

ЮЛИЙ ЛЮЦИФЕР

НЕНУЖНАЯ
ЖЕНА
ЛЕДЯНОГО
ГЕНЕРАЛА

Юлий Люцифер Ненужная жена ледяного генерала

<https://litres.ru/74221057>

Аннотация

Мой муж, ледяной генерал Сайрен Вольт-Рейн, решил снять мое имя с ворот своей крепости и заменить меня другой женщиной. Перед всем советом он назвал наш брак ошибкой, а меня — бесполезной женой, от которой северу нет ни силы, ни защиты. Я должна была молча принять развод, забрать жалкие отступные и уехать до первой бури. Но когда начался обряд, крепость покрылась инеем изнутри и впервые за сто лет назвала меня своей госпожой. Теперь Сайрену придется узнать правду: его победы держались не только на льде, приказах и военной славе. А мне — решить, хочу ли я спасти мужчину, который слишком поздно понял, кого собирался потерять.

Содержание

Глава 1. Жена, которую снимают с ворот	4
Глава 2. Лед не помнит живых	20
Глава 3. Седьмая башня молчит не для всех	37
Глава 4. Генерал приводит другую к очагу	56
Глава 5. Теплый узел	68
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Глава 1. Жена, которую снимают с ворот

Меня привели к воротам в белом платье.
 Не в свадебном — в прощальном.
 Ткань была тяжелая, гладкая, холодная, будто ее всю ночь держали на каменных плитах. Рукава стягивали запястья серебряными шнурами, под горлом лежал жесткий воротник, вышитый мелкими снежными знаками. Красиво. Дорого. Так, наверное, в этом мире одедали женщин, которых собирались убрать из жизни аккуратно, торжественно и без лишнего шума.
 Я поняла это не сразу.
 Сначала был холод. Такой плотный, что он не просто касался кожи — он стоял внутри груди, мешая вдохнуть. Потом — каменная площадь, черные башни, снег, который не падал, а висел в воздухе, словно кто-то остановил бурю на полуслове. Потом — люди.
 Их было много.
 Военные в темных мундирах с серебряными застёжками. Старички в длинных меховых накидках. Женщины в строгих платьях цвета стали и пепла. Слуги у стен, все с одинаково неподвижными лицами. Они смотрели на меня так, как смотрят не на живую женщину, а на вещь, которую сейчас вынесут из дома и забудут у дальних ворот.
 Чужие лица. Чужие стены. Чужое тело.
 Только страх был мой.
 Он поднялся где-то в животе, горячий, злой, слишком живой для

этого мертвого холода. Я сжала пальцы, и ногти больно впились в ладони.
 Не паниковать.
 Сначала понять, где я. Потом — что от меня хотят. Потом — как не дать себя сломать.
 Передо мной возвышались ворота крепости.
 Они были не просто большими. Они были такими, будто их строили для великанов или для зимы, которая однажды решила войти в мир как хозяйка. Черный металл, переплетенный с белым камнем, семь высоких арок, над каждой — резной знак башни. В центре главной створки серебром было выведено имя.
 Лиора Невант.
 Имя вспыхнуло в моей голове раньше, чем я успела спросить себя, кто это.
 Лиора.
 Меня зовут Лиора.
 Нет. Не меня. Ее.
 Я медленно вдохнула и опустила взгляд на свои руки. Тонкие пальцы, бледная кожа, тонкая голубая жилка у запястья. На безымянном пальце — не кольцо, а узкая ледяная пластина, вросшая в кожу, как печать. Она не болела, но от нее расходился холод.
 Слева кто-то тихо кашлянул.
 Я повернула голову.
 Рядом стоял мужчина.
 Высокий. Темноволосый, широкоплечий, в черном военном мундире, расшитом серебром так строго, что каждая линия казалась частью приказа. Его лицо было красивым не мягкой красотой, а опасной, выточенной, северной. Прямой нос, резкие скулы, светло-серые глаза без тепла. Взгляд человека, который привык решать судьбы быстрее, чем другие успевали просить.
 Он смотрел на меня без ненависти.
 И от этого стало хуже.
 Ненависть хотя бы признает, что ты

существуешь.
 А в его взгляде я была ошибкой в документе.
 — Лиора Невант, — произнес старик в серебряной мантии у ворот. Голос его разошелся по площади сухо, как трещина по льду. — Жена ледяного генерала Сайрена Вольт-Рейна. Домашний якорь крепости Карн-Эйд. Сегодня по решению Северного совета и по согласию главы крепости твое имя будет снято с ворот.
 Сайрен.
 Так звали мужчину рядом.
 Моего мужа.
 Я не повернула к нему лица, хотя тело дернулось само. Внутри, под ребрами, что-то чужое и старое сжалось от боли. Не моя боль. Лиорина. Привычная, тихая, загнанная глубоко, как заноза под ноготь.
 Мужчина не двинулся.
 — Основание? — спросил кто-то из совета.
 Старик поднял тонкую костяную дощечку.
 — Брак признан утратившим рубежную пользу. Дар жены не проявлен. Защитные печати крепости за последний год ослабли на три ступени. Северный источник немеет. Седьмая башня молчит. Внутренний щит не принимает имя Лиоры Невант как действующее.
 Шепот прокатился по рядам.
 Не громкий. Здесь, кажется, вообще не принято было шуметь. Но в этом шепоте хватало всего: презрения, облегчения, любопытства. Кто-то давно ждал этого дня. Кто-то пришел посмотреть, как ненужную жену снимут с ворот, как старую вывеску.
 Я подняла подбородок.
 Пусть не видят страха.
 Если они ждут слез — пусть подавятся ожиданием.
 — Генерал Вольт-Рейн, — сказал старик. — Подтверждаете ли вы решение?

Площадь стихла.
 Сайрен сделал шаг вперед.
 Его плащ дернулся от ветра, серебряные застёжки тихо звякнули. Он не посмотрел на меня. Ни на миг.
 — Подтверждаю.
 Голос низкий, спокойный, без тени сомнения.
 Вот так просто.
 Одним словом он отрезал женщину от дома, имени, защиты, будущего. Наверное, прежняя Лиора ждала этого. Боялась. Может, надеялась, что в последнюю минуту он передумает. Что вспомнит хоть что-нибудь человеческое.
 Он не вспомнил.
 — Брак с Лиорой Невант был заключен по старому рубежному договору, — продолжил Сайрен. — Крепость не получила от этого союза заявленной опоры. В условиях нынешнего ослабления щитов Карн-Эйд не может держать бесполезную связь только из уважения к устаревшей форме.
 Бесполезную.
 Слово ударило по площади громче колокола.
 Я медленно повернула голову и посмотрела на него.
 Сайрен встретил мой взгляд не сразу. А когда встретил — в его глазах не было ни смущения, ни сожаления. Только холодная уверенность человека, который принес неприятную, но необходимую жертву.
 Меня.
 — Вы называете жену связью? — спросила я.
 Собственный голос оказался ниже, чем я ожидала. Не дрожащий. Чужой, но послушный.
 Сайрен чуть сузил глаза. Видимо, от прежней Лиоры такого вопроса не ждали.
 — Сегодня не время для сцен.
 — Я не устраиваю сцену, генерал. Я уточняю формулировку.
 Кто-то сзади шумно втянул воздух.
 Сайрен по-

смотрел на меня внимательнее. Будто впервые заметил, что перед ним не пустое место.
 — Формулировка ничего не меняет.
 — Ошибаетесь. Иногда формулировка — единственное, что потом можно использовать против тех, кто считал себя безупречно правым.
 На этот раз шепот был громче.
 Я еще не знала местных законов, но знала людей. В любом мире власть не любит, когда ее слова записывают в память. Особенно при свидетелях.
 Сайрен сделал шаг ближе. От него пахло морозом, металлом и чем-то горьким, похожим на дым после погасшего очага.
 — Лиора, — произнес он тихо. — Не унижай себя.
 Я усмехнулась.
 Не громко. Почти беззвучно.
 Но он услышал.
 — Это странный совет от человека, который привел жену к воротам, чтобы снять ее имя перед всем гарнизоном.
 На его лице ничего не изменилось. Только в глазах на миг сверкнуло что-то острое.
 — У тебя будет содержание, отдельный дом на южной дороге и сопровождение до границы крепостных земель.
 — Как щедро.
 — Это больше, чем совет считал необходимым.
 — А вы, видимо, считаете это милостью.
 — Я считаю это порядком.
 Вот оно.
 Не жестокость. Не ненависть. Порядок.
 Меня вычеркивали не в порыве злости, а по правилам. С печатями, свидетелями, красивым белым платьем и заранее приготовленным экипажем.
 Я перевела взгляд на совет.
 И увидела ее.
 Женщина стояла чуть позади старшего старика, в светлом меховом плаще, с гладко

уложенными пепельно-русыми волосами и лицом, которое у других вызывало бы доверие. Мягкое. Спокойное. Почти сострадательное. Она не улыбалась, не торжествовала, не смотрела на меня с откровенным презрением. Наоборот — ее глаза были печальны.
Очень удобная печаль.
Такая, которую можно показать толпе и получить за нее одобрение.
— Госпожа Невант, — сказала она мягко. — Никто не хочет причинить вам боль. Иногда старые узы держат нас там, где нам не место.
Я посмотрела на нее долгим взглядом.
— Вы кто?
Красивая женщина чуть заметно замерла.
Вот теперь площадь действительно ожила. На лицах мелькнуло изумление: как это я не знаю ее? Значит, прежняя Лиора знала.
— Веста Роннель, — ответила она после крошечной паузы. — Снежная лекарка крепости.
Снежная лекарка.
Будущая замена, подсказало что-то внутри. Не память — скорее чужой горький след, оставленный в теле.
Веста подошла ближе. Ее плащ был белым, но не таким, как мое платье. Не прощальным. Победным. На груди у нее блестела застежка в форме раскрытой снежинки.
— Я понимаю, вам сейчас тяжело, — сказала она. — Но генерал думает не о себе. Карн-Эйду нужна опора. Живая, сильная, способная помочь крепости.
Вот как.
Не “я забираю вашего мужа”. Не “меня выбрали вместо вас”. А “крепости нужна опора”.
Какая чистая, красивая ложь.
— Тогда крепости повезло, — ответила я. — У нее столько людей, готовых решать, кто живой, а

кто уже нет.
 Веста едва заметно опустила ресницы.
 — Ваша боль говорит за вас.
 — Нет. За меня говорю я.
 Старик в серебряной мантии резко ударил посохом о камень.
 Звук разошелся по площади.
 — Достаточно. Обряд Снятия Имени не предназначен для споров.
 — Удобно, — сказала я.
 — Что?
 — Обряд, в котором одну сторону можно лишить имени, но нельзя дать ей говорить.
 Сайрен повернулся ко мне всем корпусом.
 — Ты сказала достаточно.
 — Я еще не начинала.
 Мы смотрели друг на друга в упор.
 Я не знала, что между ними было раньше. Между Сайреном и прежней Лиорой. Были ли редкие разговоры, холодные ужины, ожидание у окна, молчаливое унижение. Не знала, почему он так легко поверил, что она пустая, бесполезная, ненужная. Но я стояла в ее теле, в ее белом платье, под ее именем на воротах — и понимала одно.
 Если сейчас согнуться, дальше меня будут ломать молча.
 — Лиора, — сказал Сайрен. На этот раз в голосе прозвучало предупреждение. — Не заставляй меня завершать это жестче.
 — А вы умеете иначе?
 Лицо его стало неподвижным.
 Веста тихо вмешалась:
 — Генерал, возможно, госпоже Невант нужно дать успокоительное зелье. Резкая перемена поведения может быть признаком разрыва привязки.
 Я медленно повернулась к ней.
 — Не советую.
 — Я лекарь.
 — А я женщина, которую вы все пытаетесь объявить то бесполезной, то больной, как только она переста-

ет молчать.
 Веста побледнела ровно настолько, чтобы все заметили ее ранимость.
 Хорошая игра.
 Сайрен шагнул между нами.
 — Никто не объявляет тебя больной.
 — Нет? Тогда почему лекарка уже готова объяснить мои слова недугом?
 Он не ответил сразу.
 И это молчание было первым маленьким разломом в их общей гладкой стене.
 Старик снова поднял костяную дощечку.
 — Обряд будет завершен. Лиора Невант, по старому рубежному праву вам оставляют личные вещи, содержание на три года и южный дом. После снятия имени вы лишаетесь доступа к семи башням, внутренним щитам, источнику, военному залу и родовым переходам Карн-Эйда.
 Лишаетесь.
 Слово за словом они снимали с меня жизнь этой женщины, как с платья срезают пуговицы перед тем, как выбросить его в тряпье.
 Я смотрела на ворота.
 Имя Лиоры Невант серебрилось в металле. Красивое, тонкое, будто впаянное в черную створку не рукой мастера, а морозом. Под ним тянулись еле заметные линии к семи башенным знакам.
 Имя было связано с крепостью.
 Не просто написано.
 Связано.
 Я не знала, откуда понимаю это. Может, тело помнило. Может, дар, о котором они говорили как о несуществующем, шевельнулся впервые не у прежней Лиоры, а у меня.
 От ворот исходило странное ощущение.
 Не голос. Не мысль. Скорее чувство, которое бывает, когдаходишь в старую комнату и вдруг понимаешь: здесь когда-то ждали. Долго. До боли. До последней

свечи.
Я моргнула.
Перед глазами на миг вспыхнуло другое: ладонь на холодном металле, тихий шепот, чей-то детский смех за воротами, запах хлеба, мокрые рукавицы у очага, женский голос: “Возвращайтесь”.
Картинка исчезла.
Я едва удержалась на ногах.
Сайрен заметил.
— Лиора?
В его голосе впервые мелькнуло нечто похожее на тревогу.
Я отступила на полшага, не позволяя ему коснуться меня.
— Не надо. Вы уже достаточно обо мне позаботились.
Его рука остановилась в воздухе и медленно опустилась.
Старик начал читать.
Слова были сухими, ломкими, будто старые ветки под снегом.
— Карн-Эйд, северная крепость семи башен, свидетельствуй. Имя Лиоры Невант, внесенное в ворота по брачному рубежному договору, признается утратившим силу. Домашний якорь не держит. Теплый узел не проявлен. Защита не подтверждена. По воле главы крепости и решению совета имя подлежит снятию.
На площади стало еще холоднее.
Слуги у стен опустили головы. Солдаты застыли. Веста стояла с мягкой скорбью на лице, только пальцы под меховой муфтой слишком крепко сжимались.
Сайрен смотрел на ворота.
Не на меня.
Конечно.
Ему важнее было, как отреагирует крепость.
Старик коснулся посохом серебряных букв моего имени.
Металл зашипел.
Боль ударила неожиданно.
Не в кожу. В память.
Меня будто начали вытягивать из самой себя тонкой ледяной нитью. Я увидела комнату с узким ок-

ном. Чашку на столе. Синюю ленту в шкатулке. Чей-то голос за дверью: “Генерал занят”. Пустой обеденный зал. Шаги в коридоре, которые проходили мимо. Письмо, оставленное без ответа. Долгие вечера, когда прежняя Лиора сидела у окна и слушала, как крепость живет без нее.
А потом — ворота.
Она стояла здесь в день свадьбы.
Молодая. Бледная. Слишком тихая.
Сайрен был рядом, такой же холодный, но моложе. Он не смотрел на нее с нежностью. Но и не презирал еще. Просто принимал договор, нужный крепости.
“Ваше имя будет держать возвращение”, — сказал кто-то.
“Если крепость забудет, кого защищает, север станет могилой”.
Кто это сказал?
Видение дернулось, исказилось, покрылось белыми трещинами.
Я услышала собственный вскрик только тогда, когда Сайрен схватил меня за локоть.
— Остановить обряд, — приказал он резко.
Старик замер.
Совет зашумел.
Веста шагнула вперед:
— Генерал, нельзя прерывать снятие на середине. Это может усилить болезненную привязку.
Я выдернула руку из пальцев Сайрена.
— Не трогайте меня.
— Ты побледнела.
— Какая неожиданность. С человека снимают имя, а он недостаточно нарядно выглядит.
Его челюсть напряглась.
— Я не хотел боли.
— Вы просто не думали, будет ли она.
Он ничего не ответил.
Старик кашлянул.
— Генерал, решение принято. Если сейчас остановить обряд, совет потребует нового слушания. Крепость не может

зависеть от переменчивого состояния госпожи Невант.
— Продолжайте, — сказала я.
Сайрен резко посмотрел на меня.
— Нет.
— Почему? Вы же хотели порядка.
— Ты едва стоишь.
— Зато стою.
Я сама не понимала, зачем говорю это. Возможно, потому что отступить сейчас значило оставить прежней Лиоре только молчание. Возможно, потому что внутри боли проступало что-то еще.
Ворота не хотели отпускать имя.
Это было нелепо. Невозможно. Но я чувствовала: металл сопротивляется. Не как живое существо с волей, а как дом, из которого вырывают несущую балку и убеждают всех, что это просто старая доска.
Старик неуверенно посмотрел на Сайрена.
Тот молчал.
Потом сказал:
— Завершайте.
Вот и вся тревога.
Несколько секунд слабости — и снова приказ.
Я улыбнулась.
Не ему. Себе.
Полезно знать цену чужому беспокойству.
Посох снова коснулся ворот.
Серебряная линия первой буквы дрогнула и начала тускнеть. Боль вернулась, но теперь я была готова. Я не стала бороться с ней лбом в лоб. Я позволила ей пройти сквозь меня, как ледяной воде, и вслушалась.
Теплый узел не проявлен.
Ложь.
Слово вспыхнуло внутри не мыслью — знанием.
Не проявлен — или спрятан?
Не держит — или держит так давно, что все привыкли считать это воздухом?
Перед глазами мелькнули лица. Солдат, смеющийся у ворот. Девочка в красной шапке. Старуха, ставящая хлеб на подокон-

ник для караула. Прежняя Лиора, стоящая ладонью к металлу.
“Возвращайтесь”.
Я подняла руку и коснулась ворот.
Площадь ахнула.
— Не позволено! — крикнул старик.
Сайрен шагнул ко мне:
— Лиора!
Но пальцы уже легли на холодную створку рядом с умирающей буквой.
И холод вдруг изменился.
Он был больше не мертвым. В нем появилась глубина. За ним оказались сотни прикосновений: ладони, перчатки, детские пальцы, грубые руки солдат, женские запястья в браслетах, старики, опиравшиеся на посохи. Все они касались этих ворот, уходя или возвращаясь.
Крепость помнила их.
Нет.
Крепость пыталась помнить.
Но что-то сверху, жесткое и чужое, заставляло память неметь.
— Лиора, отойди, — приказал Сайрен.
Я не послушалась.
Впервые, наверное, за всю жизнь этого тела.
— Вы говорили, мой дар не проявлен, — произнесла я, не отнимая ладони от ворот. — Кто это проверял?
Старик побагровел.
— Проверка проводилась по всем правилам.
— Кто?
— Совет печатей.
— И снежная лекарка?
Веста тихо сказала:
— Я лишь подтвердила истощение вашего узла. Мне жаль.
— Не сомневаюсь.
Сайрен подошел ближе. Теперь он стоял почти за моим плечом.
— Что ты чувствуешь?
Странно.
Вопрос был правильный. Первый за все это время.
Я повернула голову.
— А если отвечу, вы снова назовете это болезненной привязкой?
Он помолчал.
— Я спраши-

ваю не совет. Я спрашиваю тебя.
 Слишком поздно, генерал.
 Но вслух я сказала другое:
 — Ворота не пустые.
 — Они и не должны быть пустыми.
 — Нет. Вы не понимаете. Они не принимают обряд.
 Старик рассмеялся сухо и зло.
 — Ворота не принимают и не отвергают. Они исполняют рубежный закон.
 — Тогда почему первая буква не гаснет?
 Все посмотрели на имя.
 Серебро действительно не исчезло.
 Оно дрожало. Тускло по краям, но в центре буквы горела тонкая теплая линия. Не золотая даже — скорее цвета свечи за занавеской.
 На площади стало так тихо, что я слышала, как где-то у стены плачет ребенок. Его тут же попытались увести, но ворота вдруг отозвались низким гулом.
 Все семь башенных знаков над арками покрылись инеем.
 Иней пополз не снаружи, как должен был бы на морозе, а изнутри металла. Белые жилы проступали по черным створкам, расходились от моего имени к башням. Одна арка треснула тонким звуком, будто лед на реке весной.
 Сайрен застыл.
 Веста побледнела уже по-настоящему.
 — Это невозможно, — прошептал кто-то из совета.
 Старик поднял посох выше.
 — Отведите ее! Немедленно!
 Двое стражников шагнули ко мне.
 В тот же миг ворота ударили гулом во второй раз.
 Не громко — глубоко.
 Камень под ногами дрогнул.
 Стражники остановились, будто уперлись в невидимую стену. Один из них схватился за горло и прохрипел:
 — Я... я не помню, где северный про-

ход.
 Второй побледнел.
 — Какой проход?
 В рядах слуг началось движение. Кто-то звал кого-то по имени. Кто-то спрашивал, где находится кухонный двор, хотя стоял рядом с ним. Женщина в сером платье вдруг заплакала:
 — Я не помню лицо сына.
 Холодная площадь рассыпалась.
 Идеальный порядок дал трещину.
 Сайрен развернулся к совету.
 — Что происходит?
 Никто не ответил.
 Веста быстро подошла к плачущей женщине, коснулась ее виска.
 — Успокойтесь. Это временный отклик на прерванный обряд.
 — Обряд не прерван, — сказала я.
 Мой голос прозвучал слишком спокойно даже для меня.
 Все повернулись.
 Я стояла у ворот, и ладонь моя все еще касалась имени. Только теперь холод металла больше не кусал кожу. Под пальцами билось слабое, едва заметное тепло.
 Как пульс.
 — Обряд идет, — сказала я. — Просто вы снимаете не пустое имя.
 Сайрен посмотрел на мою ладонь.
 Потом на ворота.
 Потом на меня.
 В его глазах впервые не было уверенности.
 — Лиора, отойди от створки.
 — Зачем?
 — Это приказ.
 — Вы уже не мой муж, генерал. Скоро, по вашим же словам, не будете иметь права мне приказывать.
 Несколько человек ахнули.
 Но я смотрела только на Сайрена.
 Его лицо стало еще холоднее, но теперь под этим холодом что-то двигалось. Раздражение. Тревога. Непонимание. Он привык, что мир отвечает на его силу. А сейчас его крепость отвечала мне.
 Старик

с посохом сделал знак.
 — Продолжить снятие! Полностью!
 Трое младших служителей подошли к воротам с серебряными ножами. Они подняли их к буквам моего имени.
 Я не знала, что делать.
 И тогда крепость сделала сама.
 Все семь башен отозвались.
 Сначала самая дальняя — низким каменным стоном. Потом вторая, третья, четвертая. Звук шел по стенам, по аркам, по площади, по костям. Снег сорвался с крыш, но не упал вниз, а закружился вокруг ворот. Воздух стал густым от инея.
 Серебряные ножи в руках служителей треснули.
 Один рассыпался в пыль.
 Ворота раскрылись на толщину ладони.
 За ними не было двора.
 Там был теплый свет.
 Не яркий. Не огненный. Тихий, домашний, невозможный посреди северной крепости.
 Кто-то упал на колени.
 Старик выронил посох.
 Сайрен шагнул вперед, но остановился, когда из раскрытой щели донесся голос.
 Не женский и не мужской.
 Не человеческий.
 Это говорила крепость.
 Не словами даже, а памятью, которую вдруг услышали все.
 — Лиора Невант.
 Мое имя прошло по площади, как дыхание под снегом.
 Я закрыла глаза.
 Тело дрожало, но уже не от страха.
 — Держательница возвращения.
 Крепость Карн-Эйд назвала меня так перед советом, гарнизоном, Вестой и мужем, который только что объявил меня бесполезной.
 А потом серебряные буквы на воротах вспыхнули теплым светом, и над главной аркой проступила новая строка.
 Не жена генерала.

Не домашний якорь.
 Не бесполезная связь.
 Госпожа северных ворот.

Глава 2. Лед не помнит живых

Свет на воротах погас не сразу.
 Он держался в серебряных буквах, тонкий, теплый, упрямый, будто последняя свеча в доме, где все давно приказали лечь спать. Снег кружил перед арками, не падая на землю. Люди на площади молчали так, словно любой звук мог заставить крепость передумать и снова заговорить.
 Я стояла у створки, все еще прижимая ладонь к металлу.
 Под пальцами больше не было мертвого холода. Там билось слабое тепло, едва заметное, не огонь — дыхание. Как если бы огромный каменный зверь спал под стенами и на миг открыл глаза.
 Госпожа северных ворот.
 Эти слова не исчезали из головы.
 Они были слишком тяжелыми для человека, который еще час назад не знал даже, как называется этот мир. Но я уже понимала: здесь слово, произнесенное крепостью, значит больше, чем десяток советников с серебряными посохами.
 Поэтому советники первыми пришли в себя.
 — Закрывать площадь, — резко сказал старик в серебряной мантии.
 Голос его сорвался, но приказ все равно подхватили.
 Стража двинулась к боковым проходам. Слуги отшатнулись. Кто-то пытался шептаться, кто-то крестил пальцами воздух незнакомым мне знаком. Женщина, которая плакала у стены, все еще повторяла:
 — Я не помню лицо сына... Я не помню его лицо...
 — Уведите

ее, — сказал один из советников. — И всех лишних тоже. Немедленно.
Лишних.
Я медленно повернула голову.
На площади уже наводили порядок. Не помогали испуганным. Не спрашивали, кто что забыл. Не смотрели на ворота. Просто зачищали свидетелей, как убирают со стола осколки разбитой чашки, пока хозяин не увидел трещину на дорогой скатерти.
Сайрен стоял в нескольких шагах от меня.
Его лицо оставалось спокойным, но в этом спокойствии появилась жесткость другого рода. Не прежняя, уверенная, ледяная. Теперь он был похож на человека, который услышал за стеной звук обвала и еще не решил, признать ли, что дом рушится.
— Никого не выпускать за внешние ворота, — приказал он.
Стражники замерли.
Старик резко повернулся к нему:
— Генерал, слухи нужно отсечь, а не запираť внутри.
— Я сказал: никого не выпускать.
— Но гарнизон...
— Гарнизон останется на местах. Слуги — в своих крыльях. Совет — в малом зале. Площадь очистить, но не разгонять людей по крепости без счета.
Его голос стал таким, что спорить больше никто не решился.
Старик сжал губы.
Веста Роннель подошла к Сайрену почти бесшумно. Белый мех на ее плечах не дрожал, лицо снова стало мягким и печальным, как у женщины, которая единственная сохранила милосердие среди холодных решений.
— Сайрен, — произнесла она тихо, но достаточно громко, чтобы слышали ближайшие. — Чем дольше это будет висеть в воздухе, тем силь-

нее испугаются люди. Нужно объяснить им, что крепость отозвалась на нестабильный узел, а не признала...
 Она запнулась, будто не хотела произносить вслух то, что увидели все.
 Меня.
 — Не признала что? — спросила я.
 Веста повернулась. Ее взгляд скользнул по мне быстро, оценивающе. Мгновение назад она выглядела испуганной. Теперь снова собралась.
 — Госпожа Невант, вам лучше сесть. После такого отклика возможны слабость, спутанность памяти, эмоциональные всплески.
 — Удобный список. Под него можно списать почти все, что вам не понравится.
 — Я говорю как лекарка.
 — А я слушаю как женщина, которую вы пятнадцать минут назад пытались объявить пустым местом.
 Веста не повысила голоса.
 — Никто не называл вас пустым местом.
 Я посмотрела на Сайрена.
 — Нет, конечно. Меня называли бесполезной связью. Это гораздо уважительнее.
 Он не отвел взгляда, но и не ответил.
 На площади уводили людей. Плачущую женщину поддерживали под локти две служанки. Она шла, оступаясь, и все повторяла:
 — У него на щеке родинка... нет... или не было? Господи, как я могла забыть...
 Рядом молодой солдат пытался что-то сказать командиру, но вдруг растерянно оглянулся.
 — Господин сотник, а где северный проход?
 Сотник побледнел.
 — Ты нес караул у него три года.
 — Да, господин. Я помню караул. Помню мороз. Помню, что стоял. Но где проход... не вижу в голове.
 Сайрен услы-

шал.
 В его лице что-то дрогнуло.
 — Имя? — спросил он резко.
 Солдат выпрямился.
 — Тарн Олив, третий щитовой ряд.
 — Кто твоя мать?
 Солдат открыл рот.
 И молчал.
 Слишком долго.
 На площади стало холоднее.
 — Я... — Тарн моргнул. — Я знаю, что писал ей. Каждую вторую неделю. У нее больная рука. Она печет темный хлеб. Она... — Он побледнел еще сильнее. — Я не помню, как ее зовут.
 Веста шагнула к нему.
 — Это паническая реакция. После сильных магических всплесков память часто...
 — Не надо, — сказал Сайрен.
 Всего два слова.
 Мягкая улыбка Весты не исчезла, но застыла.
 — Я могу помочь.
 — Позже.
 Она чуть склонила голову.
 — Как прикажете.
 Сказано было покорно. Почти нежно. Но в ее глазах на миг мелькнула обида — не женская, не ревнивая, а холодная досада человека, у которого попытались забрать право объяснять происходящее.
 Сайрен повернулся ко мне.
 — Внутрь.
 — Куда?
 — В малый зал.
 — Зачем?
 — Ты ответишь на вопросы.
 Я тихо рассмеялась. Не потому что было смешно. Просто иначе пришлось бы сказать ему что-нибудь слишком резкое.
 — Ваша крепость назвала меня госпожой, а вы все еще разговариваете со мной как с преступницей.
 — Моя крепость только что едва не сорвала обряд, вызвала провалы памяти у гарнизона и открыла ворота без приказа.
 — Ваша?
 Он замолчал.
 Я увидела, как это слово по-

пало точно под броню. До сегодняшнего дня Карн-Эйд, видимо, действительно был его крепостью. Его стенами. Его приказами. Его ледяными щитами.

А теперь ворота называли не его.

— Ты ничего не понимаешь в том, с чем столкнулась, — сказал он глухо.

— Возможно. Но я хотя бы не делаю вид, что понимаю все.

Сайрен сделал шаг ближе.

Он был выше меня почти на голову. Холод от его мундира касался лица, но я не отступила. Пусть привыкает.

— Лиора, это не игра.

— А похоже, я веселюсь?

— Если ты знаешь, что произошло...

— Я не знаю.

— Тогда почему ворота отозвались тебе?

— Может, потому что вы все слишком долго спрашивали не у тех.

Его глаза сузились.

— Ты изменилась.

Вот оно.

Опасная земля.

Слишком резкая перемена в поведении. Чужая женщина в чужом теле. Мир, где магия и законы, о которых я не знаю ничего. Одно неверное слово — и Веста с удовольствием найдет мне диагноз, совет даст печать, а Сайрен решит, что меня нужно не развести, а запереть.

Я заставила себя дышать ровнее.

— Развод иногда освежает характер.

Один из молодых стражников за моей спиной подавился воздухом. Кажется, хотел скрыть смешок и не смог.

Сайрен бросил на него взгляд, и тот мгновенно окаменел.

— В малый зал, — повторил генерал.

— Нет.

На этот раз молчание стало совсем плотным.

Старик с посохом уставился на меня так, будто я оскорбила не человека, а весь северный поря-

док сразу.
 — Госпожа Невант, — процедил он. — Вы находитесь в крепости, подчиненной военному закону.
 — А еще, если я правильно услышала, я госпожа северных ворот.
 Сайрен резко вдохнул.
 Веста, стоявшая сбоку, опустила ресницы.
 Старик побелел.
 Я не знала, сколько власти дает это звание. Может, никакой. Может, меня через минуту все равно утащат в малый зал и будут допрашивать. Но сейчас они сами не знали, что со мной делать. И это было моей единственной защитой.
 — Я отвечу на вопросы, — сказала я. — Но не как задержанная. И не под присмотром лекарки, которая уже решила, чем объяснит любое мое слово.
 Веста подняла на меня глаза.
 — Вы несправедливы.
 — Возможно. Неприятно, правда?
 Сайрен смотрел на меня долго. Потом повернулся к старшему советнику.
 — Малый зал. Без служителей печатей. Только я, госпожа Невант, лорд Хайр, госпожа Роннель и два свидетеля совета.
 — Генерал, — резко сказала Веста, — если у нее нестабильный теплый узел, я должна присутствовать.
 Я усмехнулась:
 — Вот видите? Уже “нестабильный”, а час назад его будто бы не было.
 Сайрен поднял руку, и Веста замолчала.
 — Вы будете присутствовать, — сказал он. — Но без зелий и касаний, пока я не разрешу.
 — Пока вы не разрешите? — спросила я.
 Он посмотрел на меня.
 Я посмотрела в ответ.
 Секунда. Другая.
 — Пока ты не согласишься, — исправил он жестко.
 Очень маленькая победа.
 Но на этой пло-

щади, где меня только что снимали с ворот как старую табличку, даже такая мелочь значила многое.
 Нас повели внутрь крепости.
 Карн-Эйд оказался еще мрачнее изнутри, чем снаружи. Высокие коридоры, черный камень, белые прожилки в стенах, узкие окна, через которые просачивался зимний свет. На поворотах стояли железные чаши с голубым ледяным пламенем. Оно освещало лица, но не грело.
 Я шла между Сайреном и двумя стражниками, хотя формально меня уже не вели под конвоем. Веста держалась на шаг позади генерала, как человек, которому не нужно доказывать свое место. Она и так уверена, что все дороги в этой крепости рано или поздно приведут к ней.
 Мне пришлось идти спокойно, хотя внутри все дрожало.
 Не от страха даже.
 От чужих обрывков памяти.
 Каждый коридор отзывался. Не голосом. Намеки, следы, ощущения. У той лестницы кто-то когда-то ждал письма и не дождался. У ниши с ледяным пламенем мальчик прятал деревянную фигурку зверя. На стене рядом с узким окном был след от ладони — женской, маленькой. Я не видела его глазами, но знала, что он там есть, под слоем холода и приказов.
 Крепость была набита памятью.
 И эта память портилась.
 Как ткань, которую долго держали в сырости.
 У поворота молодая служанка несла поднос с пустыми чашками. Увидев Сайрена, она поспешно присела, но поднос качнулся, одна чашка упала и разбилась.
 — Простите, ваша светлость! Я... я сейчас...
 Она наклонилась за

осколками, потом вдруг застыла. — Где кухня? — прошептала она. Стражник рядом с ней нахмурился. — Что? Служанка подняла испуганное лицо. — Я несла... я знаю, что несла это из кухни. Но куда возвращаться? Веста тут же шагнула вперед. — Девочка испугана после площади. — Как тебя зовут? — спросила я. Служанка посмотрела на меня, моргая. — Мира, госпожа. — Сколько лет ты служишь в крепости? — С пяти зим. То есть... — Она растерянно сжала край фартука. — Нет. С шести? Меня привела тетушка после болезни матери. Или... после свадьбы моей сестры? У меня есть сестра? Сайрен не сводил с нее взгляда. — Позвать старшую по крылу, — приказал он стражнику. Тот кивнул и ушел. Я присела рядом со служанкой. Сайрен будто хотел остановить меня, но сдержался. — Мира, посмотри на чашку. Она дрожащими пальцами взяла целый край разбитой чашки. В голове у меня вдруг вспыхнуло: теплая вода, красные руки, смех двух девушек у полки, запах кислой ягоды, голос: “Мира, не ставь синюю чашку генералу, он все равно не заметит, а госпожа Невант заметит”. Я выдохнула. — Синяя чашка стояла на второй полке у окна, — сказала я тихо. — Ты не любила ее брата, потому что у нее трещина у ручки. Мира вскинула глаза. — Да... — А кухня — вниз по лестнице, потом направо, мимо двери с медным замком. Ты знаешь дорогу. Просто сейчас она будто закрыта туманом. Служан-

ка кивнула слишком быстро, почти со слезами.
 — Да. Да, госпожа. С медным замком.
 За моей спиной было тихо.
 Очень тихо.
 Я поднялась.
 Сайрен смотрел так, будто я стала задачей, которую нельзя решить ударом меча или приказом.
 — Откуда ты это знаешь?
 — От чашки.
 — Чашки не говорят.
 — Может, они просто не говорили с вами.
 Веста мягко положила руку на плечо служанки.
 Мира вздрогнула.
 — Пойдем, я дам тебе настой.
 — Нет, — сказала я.
 Веста медленно повернулась.
 — Госпожа Невант, девочке нужно успокоиться.
 — Ей нужно вспомнить дорогу. А не уснуть.
 Голос Весты остался ровным.
 — Вы не лекарь.
 — А вы не хозяйка ее памяти.
 На этот раз Сайрен вмешался раньше, чем Веста успела ответить:
 — Миру отвести к старшей по крылу. Без настояв. Записать все, что она забыла и что вспомнила.
 Стражник кивнул.
 Веста посмотрела на Сайрена.
 — Вы начинаете верить случайному проявлению?
 — Я начинаю собирать факты.
 — Факты без толкования опасны.
 — Толкование без фактов опаснее.
 Она улыбнулась.
 Очень слабо.
 — Как скажете, генерал.
 Опять покорность. Опять мягкость. Но теперь я видела, что под этой мягкостью — сталь.
 Малый зал оказался не таким уж малым.
 Длинная комната с узкими окнами, стол из темного дерева, семь кресел с высокими спинками, на стене — карта севера, испещренная серебряными линиями. В центре

карты темнела крепость Карн-Эйд: семь башен вокруг круглого знака, похожего то ли на источник, то ли на глаз.
 Меня посадили не в кресло, а на боковую скамью.
 Я посмотрела на Сайрена.
 Он заметил.
 — Дайте госпоже Невант кресло.
 Старик, которого Сайрен называл лордом Хайром, недовольно поджал губы.
 — Это место для членов совета.
 — Ворота только что называли ее госпожой, — сказал Сайрен. — Пока совет не объяснил мне, что это значит, она будет сидеть не на скамье.
 Я не поблагодарила.
 Рано.
 Мне принесли кресло. Я села напротив Сайрена, не рядом. Веста устроилась чуть сбоку, так, чтобы видеть и меня, и его.
 Лорд Хайр положил перед собой костяные дощечки.
 — Начнем с очевидного. Госпожа Невант, что именно вы сделали с воротами?
 — Коснулась.
 — Не дерзите.
 — Я ответила точно.
 — До сегодняшнего дня вы не проявляли дара теплого узла.
 — Так утверждаете вы.
 — Так установили проверки.
 — Кто их проводил?
 Хайр раздраженно постучал пальцами по дощечкам.
 — Совет печатей, лекарская палата, снежная госпожа Роннель...
 — То есть люди, которым выгодно доказать, что меня можно заменить.
 Веста вздохнула:
 — Вам сейчас кажется, что все против вас.
 — Нет. Не все. Крепость, например, придерживается другого мнения.
 Хайр вспыхнул:
 — Крепость не имеет мнения!
 В тот же миг по стене малого зала прошел тихий треск.
 Не разру-

шительный. Предупреждающий.
 Все замолчали.
 Я медленно повернула голову к стене.
 Камень был гладким, темным, с белыми прожилками. Обычная стена. И все же мне показалось, что за ней кто-то долго молчал и теперь с трудом удержался от ответа.
 Сайрен тоже смотрел на стену.
 — Лорд Хайр, — сказал он медленно, — выберите слова.
 Старик побледнел.
 — Генерал, вы же не можете всерьез...
 — Я могу всерьез требовать объяснений. И начну с главного. Почему во время снятия имени у людей начались провалы памяти?
 — Из-за сопротивления узла.
 — Узла, который вы признали несуществующим?
 Хайр сжал рот.
 Хороший вопрос, генерал.
 Жаль, что ты задаешь его только теперь.
 Веста подалась вперед.
 — Сопrotивляться может не дар, а остаточная брачная привязка. Иногда старые договоры оставляют след даже после утраты силы. Особенно если жена эмоционально не готова отпустить связь.
 Я посмотрела на нее почти с восхищением.
 — Как красиво. Если крепость молчит — я бесполезна. Если говорит — я больна и не готова отпустить мужа.
 На щеках Весты появился легкий румянец.
 — Вы намеренно искажаете мои слова.
 — Я просто показываю их без меховой накидки.
 Один из свидетелей совета кашлянул в кулак.
 Сайрен бросил на него короткий взгляд, и тот уткнулся в свои записи.
 — Лиора, — сказал генерал. — Что ты видела у ворот?
 Я не сразу ответила.
 Правда

была опасной. Ложь — еще опаснее, потому что я не знала местных правил. Значит, надо говорить часть правды. Ту, которую можно защитить.
 — Память.
 — Чью?
 — Крепости. Или людей, которые проходили через ворота. Я не знаю, как это правильно называется.
 Хайр резко написал что-то на дощечке.
 — Удобно.
 Я посмотрела на него.
 — Что именно?
 — Неопределенные заявления трудно проверить.
 — А снятие имени легко проверить? Вы ведь проверили и решили, что крепость меня не признает.
 Он замолчал.
 Сайрен сцепил руки перед собой.
 — Продолжай.
 — Я увидела людей у ворот. Тех, кто уходил и возвращался. Солдат. Детей. Женщин. Прежнюю Лиору.
 Произнести это было рискованно.
 Сайрен нахмурился.
 — Прежнюю?
 Я удержала его взгляд.
 — Себя. В прошлом.
 Слишком близко к правде. Но не вся правда.
 — В день свадьбы? — спросил он.
 — Да.
 Он отвернулся к окну.
 Всего на миг.
 Но я заметила.
 Значит, помнил.
 Не так, как крепость. Но помнил.
 — Что еще? — спросил он.
 — Фразу. “Если крепость забудет, кого защищает, север станет могилой”.
 Лорд Хайр побледнел так резко, что даже его губы посерели.
 Ортен Вейш должен был быть здесь, подумала я внезапно. Не знаю, откуда взялось это имя. Нет, знала — из плана? Нет, в теле Лиоры оно отозвалось слабым доверием. Бывший военный писарь. Человек со старой тростью. Кажется, прежняя Лиора виде-

ла его в архивах.
 Сайрен заметил реакцию Хайра.
 — Вы знаете эти слова.
 — Старые рубежные суеверия,
 — сухо сказал Хайр.
 — Я спросил не это.
 — Они встречались в ранних договорах Карн-Эйда. До реформы печатей.
 Веста осторожно вмешалась:
 — Именно поэтому их и убрали из практики. Старые формулировки были красивыми, но неточными. Север не может держаться на чувствах.
 — А на чем он держится сейчас? — спросила я. — На людях, которые забывают имена матерей?
 Веста повернулась ко мне.
 — Вы очень быстро освоились для женщины, пережившей потрясение.
 Опасный удар.
 Сайрен посмотрел на меня внимательнее.
 Я опустила ладони на подлокотники кресла, чтобы пальцы не выдали напряжение.
 — Женщины вообще быстро осваиваются, когда их пытаются вычеркнуть.
 Веста не отвела взгляда.
 — Прежняя Лиора была мягче.
 — Прежняя Лиора слишком долго молчала.
 В комнате стало холодно.
 Сказано было резко. Но уже поздно.
 Сайрен медленно произнес:
 — Почему ты говоришь о себе так, будто это другой человек?
 Я улыбнулась. Устало, почти без насмешки.
 — Потому что женщина, которую привели утром к воротам, уже не существует. Вы сами проследили.
 Он замолчал.
 И впервые мне показалось, что попала не в щит, а в живое место.
 Не жалость. Не раскаяние. Еще нет.
 Но память.
 Возможно, где-то подо льдом у него все-таки была память.
 До-

прос длился еще долго.
 Хайр спрашивал, что я сделала с серебряными буквами. Я отвечала: ничего.
 Веста спрашивала, чувствую ли я слабость, головокружение, не слышу ли “лишних голосов”. Я отвечала: слышу много лишних голосов вокруг, но ее это почему-то не тревожит.
 Сайрен спрашивал меньше всех.
 Но смотрел больше всех.
 Когда меня наконец отпустили, за окнами уже темнело. Не вечерело — именно темнело, резко и рано, как бывает на севере, где день не уходит, а сдается.
 — Ты останешься в своем крыле, — сказал Сайрен у двери. — До нового решения совета.
 — Под стражей?
 — Под охраной.
 — Разница в том, с какой стороны стоит ключ?
 — Разница в том, что я не позволю совету тронуть тебя без моего ведома.
 Я посмотрела на него.
 — А с вашим ведома можно?
 Он не ответил сразу.
 — Сегодня многое изменилось.
 — Нет, генерал. Сегодня многое стало видно.
 Его взгляд стал тяжелым.
 — Ты не доверяешь мне.
 — Вы серьезно ждали другого после утреннего обряда?
 — Я действовал по данным.
 — Удобная фраза для человека, который не спросил жену ни о чем.
 Он принял удар молча.
 Веста, выходявшая следом, остановилась рядом.
 — Госпоже Невант нужен отдых. Разговоры такого рода могут усилить разрыв.
 Я не повернулась к ней.
 — Госпожа Роннель, если вы еще раз объясните мои слова разрывом, я начну объяснять ваши слова страхом. И, боюсь, это будет точнее.
 Ее улыбка стала со-

всем тонкой.
 — Вы ошибаетесь во мне.
 — Возможно. Но я быстро учусь.
 Сайрен жестом велел стражнику проводить меня.
 Меня отвели в восточное крыло.
 По дороге я смотрела на крепость иначе. Уже не как на чужой каменный лабиринт. Я прислушивалась. У стены возле лестницы было пустое место, где когда-то висел гобелен. Камень помнил ткань. В узком переходе пахло воском и сушеными травами — не сейчас, раньше. На повороте с тремя окнами я вдруг точно поняла: сюда никто не ходит после полуночи, потому что здесь люди забывают, зачем вышли из комнаты.
 Крепость теряла память кусками.
 И никто не хотел называть это вслух.
 Мое крыло оказалось красивым и мертвым.
 Большая спальня, синий полог над кроватью, узкий камин, в котором горело ледяное пламя, столик у окна, шкафы, сундук у стены. Все дорогое. Все без тепла. Комната женщины, которую не обижали грубо, просто не впускали в жизнь.
 Стражник остался за дверью.
 Я подошла к зеркалу.
 И едва не отступила.
 На меня смотрела Лиора Невант.
 Темные волосы, собранные уже небрежно после всего случившегося. Бледное лицо. Большие серо-синие глаза. Красивые, но уставшие — так устают не за день, а за годы, в которых каждое слово приходится проглатывать.
 Я коснулась щеки.
 — Прости, — прошептала я.
 Не знаю, кому.
 Ей.
 Себе.
 Женщине, которая исчезла, оставив мне свое тело, имя и чужую катастрофу.
 В комнате было тихо.
 Потом

за стеной что-то скрипнуло.
 Я обернулась.
 Ничего.
 Только шкаф у дальней стены стоял чуть приоткрытый. Я была почти уверена, что минуту назад он был закрыт.
 Может, сквозняк.
 Может, крепость.
 После сегодняшнего я уже не спешила выбирать простое объяснение.
 Я подошла и открыла створку.
 Внутри висели платья. Слишком светлые, слишком строгие. Несколько меховых накидок. Пустая шкатулка на полке. Пара перчаток. Ничего важного.
 Но теплый узел под кожей — если это был он — дрогнул.
 Не здесь.
 Ниже.
 Я опустилась на колени и провела рукой по дну шкафа. Дерево было гладким, но у задней стенки палец зацепился за крошечную выемку.
 Панель подалась не сразу.
 Я дернула сильнее.
 Тихий щелчок.
 В руке оказался узкий плоский футляр, обтянутый потемневшей синей кожей.
 Сердце забилося быстрее.
 Я открыла его.
 Внутри лежал сложенный вчетверо лист. Не пергамент — тонкая бумага, плотная, с серебряными волокнами. Почерк был аккуратный, но буквы в нескольких местах срывались, будто писавшая рука дрожала.
 Я развернула лист.
 “Если ты это нашла, значит, обряд начался или уже прошел.
 Не верь им, когда скажут, что твой узел пуст. Не верь, если Сайрен будет смотреть на тебя так, будто все уже решено. Он не видит того, что не умеет считать приказом.
 Не дай им снять твое имя с седьмой башни.
 Ворота — только начало.
 Настоящая клятва спрятана там, где кре-

пость молчит громче всего”.
Я перечитала записку дважды.
Потом в третий раз.
Слова расплылись перед глазами, но смысл стал только острее.
Прежняя Лиора знала.
Не все, возможно. Но достаточно, чтобы спрятать предупреждение.
Я сжала лист в пальцах.
За дверью слышались шаги.
Не стражника. Другие. Тише.
Я быстро сложила записку и спрятала за корсаж платья.
Ручка двери медленно повернулась.
Стражник снаружи ничего не сказал.
А ледяное пламя в камине вдруг погасло.
Комната провалилась в темноту.
И из этой темноты, совсем близко, кто-то тихо прошептал:
— Седьмая башня помнит не всех. Только тех, кого еще можно вернуть.

Глава 3. Седьмая башня

МОЛЧИТ НЕ ДЛЯ ВСЕХ

Темнота в комнате была неправильной.
 Не ночной, не уютной, не той, что ложится на стены после заката и постепенно смягчает углы. Эта темнота пришла резко, как приказ. Ледяное пламя в камине погасло без дыма, без треска, без последнего синего язычка. Просто исчезло, будто кто-то стер его с воздуха.
 Я стояла у шкафа, прижимая ладонь к корсажу, под которым лежала записка прежней Лиоры.
 “Не дай им снять твое имя с седьмой башни”.
 И почти сразу после этого — шепот.
 Седьмая башня помнит не всех. Только тех, кого еще можно вернуть.
 Голос был не мужской и не женский. Не старый, не молодой. Он звучал так, как могла бы звучать закрытая дверь, если бы умела предупреждать.
 — Кто здесь? — спросила я тихо.
 Ответа не было.
 За дверью кто-то прошел. Шаги удалились по коридору. Стражник, поставленный охранять меня, не поднял тревоги. Значит, или он ничего не слышал, или его уже не было на месте.
 Прекрасно.
 Чужая крепость, чужое тело, муж, который утром пытался снять мое имя с ворот, мягкая соперница с лекарскими настойками, совет, способный объявить меня нестабильной, и теперь еще голоса в темноте.
 Я закрыла глаза на один вдох.
 Паниковать

потом.
 Сначала — проверить дверь.
 Я подошла к ней осторожно, стараясь не задеть подолом кресло. В темноте комната стала иной: не спальней, а ловушкой, где каждая вещь будто ждала, когда я совершу ошибку. Дверная ручка оказалась холодной. Я повернула ее.
 Не заперто.
 За порогом коридор был пуст.
 Факелы с голубым ледяным огнем горели в нишах, но странно тускло, как если бы крепость не хотела, чтобы свет добрался до моего крыла полностью. На полу лежала тонкая полоса инея, ведущая от моей двери налево.
 Куда-то вглубь.
 Я выглянула.
 Стражника не было.
 Еще утром это показалось бы удачей. Теперь — плохим знаком.
 — Эй, — негромко позвала я.
 Тишина.
 Не просто отсутствие ответа. В коридоре не было обычных звуков большого дома: шагов, далекого стука посуды, скрипа дверей, человеческого дыхания за стенами. Крыло будто вырезали из крепости и оставили отдельно.
 Я могла вернуться в комнату, закрыть дверь и ждать утра.
 Разумный выбор.
 Но в этом мире разумный выбор для Лиоры Невант уже однажды закончился белым платьем у ворот.
 Я вытащила из шкафа темную накидку, накинула на плечи и спрятала записку глубже за край корсажа. Потом сняла с пальца тонкую ледяную пластину, похожую на брачную печать.
 Вернее, попыталась снять.
 Пластина не сдвинулась.
 Она сидела в коже так, будто была не украшением, а частью тела. От прикосновения к ней по пальцам пошел холод.
 — Хорошо, —

прошептала я. — Значит, идем вместе.
 И вышла.
 Иней на полу вел к лестнице.
 Я шла медленно, считая повороты. Первый коридор — семь дверей. Второй — окно с трещиной в левом нижнем углу. Узкая лестница вниз, затем короткий переход с гобеленом, на котором кто-то когда-то вышел белого зверя, но теперь нитки расползлись, и зверь походил на пятно.
 Запоминать путь было почти физической необходимостью.
 Карн-Эйд не вызывал доверия.
 В какой-то момент я поняла, что иду не к главному коридору, а глубже в старую часть крепости. Камень здесь был темнее, свет — слабее, воздух — холоднее. На стенах попадались знаки семи башен: возвращение, ожидание, верность, скорбь, долг, имя и дом. Я не знала их названий, но знала смысл. Он проступал в голове, как проступает на бумаге старый текст, если поднести его к пламени.
 Знак возвращения был похож на распахнутую дверь.
 Знак имени — на тонкую вертикальную черту внутри круга.
 Знак дома — на ладонь под крышей.
 Седьмая башня.
 Какая из них седьмая?
 В записке не было объяснений. Может, прежняя Лиора знала, а я должна была унаследовать знание вместе с телом. Только тело делилось неохотно: боль, обрывки, шепот стен — пожалуйста, а полезные сведения приходилось вытаскивать по капле.
 На очередном повороте иней закончился.
 Я остановилась.
 Передо мной были три арки.
 Левая вела к лестнице вверх. Правая — в узкий коридор, где горел одинокий синий огонь.

Средняя была закрыта решеткой из черного металла. На решетке висела печать в форме снежинки, слишком правильной, слишком новой для этих старых стен.
 Не идти туда, подсказал здравый смысл.
 Конечно, именно туда мне и нужно.
 Я коснулась печати.
 Холод ударил в пальцы так резко, что я отдернула руку. На коже остался белый след.
 — Трогать чужие запреты опасно, госпожа Невант.
 Голос прозвучал сзади.
 Я обернулась.
 У стены, в тени между двумя голубыми факелами, стоял мужчина лет сорока с небольшим. Худощавый, высокий, в темном сюртуке старого покроя. Светлые волосы у висков уже тронула седина. В руке он держал черную трость с серебряным набалдашником, и на эту трость опирался не как больной человек, а как тот, кто привык, что его недооценивают.
 Лицо узкое, внимательные глаза, губы с легкой насмешливой складкой.
 Я сразу поняла, кто это.
 Ортен Вейш.
 Не из памяти даже. Из того самого слабого доверия, которое отозвалось в теле, когда в малом зале я подумала о нем.
 — А подчиняться чужим запретам всегда безопасно? — спросила я.
 Мужчина чуть склонил голову.
 — Не всегда. Но обычно дольше живешь.
 — Вы меня искали?
 — Нет.
 — Тогда почему вы здесь?
 — Мой кабинет через два поворота отсюда. А вы крадетесь по старому архивному крылу в ночной накидке и с лицом женщины, которая либо нашла плохую тайну, либо собирается ее найти.
 — И вы решили понаблюдать?
 — Сна-

чала. Потом вы попытались сунуть пальцы в печать Роннелей, и мне стало жаль ваших пальцев.
 Я посмотрела на решетку.
 — Это печать Весты?
 — Рода Роннель. Но госпожа Веста наверняка сказала бы, что никакого отношения к ней не имеет, кроме заботы о безопасности крепости.
 — Вы ей не верите.
 Ортен Вейш сделал шаг вперед. Трость тихо стукнула о камень.
 — Я много кому не верю. Это экономит время.
 — Мне тоже?
 — Вам особенно.
 Честно.
 Почти приятно.
 — Тогда почему разговариваете?
 — Потому что сегодня утром крепость назвала вас госпожой северных ворот, а старый дом редко ошибается так эффектно.
 Я всмотрелась в его лицо.
 — Вы были на площади?
 — Я был там, где меня не должны были видеть.
 — Удобная привычка.
 — Профессиональная. Я смотритель северных договоров, госпожа Невант. Моя работа — знать, что люди обещали до того, как начали уверять, будто ничего такого не говорили.
 Это уже было интересно.
 — Тогда вы знаете, что значит “держательница возвращения”.
 Он молчал слишком долго.
 — Знаю, что это звание не использовалось больше ста лет.
 — Почему?
 — Потому что последние сто лет совет делал вид, что оно никогда не существовало.
 По спине прошел холод.
 Уже не от крепости.
 — Значит, меня утром не просто сняли с ворот. Меня пытались снять с должности, о которой мне никто не сказал.
 Ортен усмехнулся без веселья.
 — Долж-

ность — слово слишком официальное. Скорее обязанность, право и приговор, связанные в один узел. В старых крепостях жена ледяного генерала не была украшением. Она держала возвращение.
 — Что это значит?
 — Если коротко: пока генерал защищает границу от врага, держательница возвращения не дает крепости забыть, ради кого существует защита.
 — А если крепость забывает?
 Ортен посмотрел на черную решетку.
 — Тогда она становится очень хорошей крепостью. И очень плохим домом.
 Я вспомнила солдата, который забыл имя матери. Служанку, потерявшую дорогу на кухню. Женщину у стены.
 — Это уже происходит.
 — Да.
 Сказано без удивления.
 — Вы знали?
 — Подозревал. Знать и доказать — разные удовольствия. Первое делает человека тревожным. Второе часто делает его мертвым.
 — Вы всегда так успокаиваете?
 — Обычно я хуже.
 Мне почти захотелось улыбнуться. Почти.
 — Мне нужно попасть в Седьмую башню.
 Ортен перестал улыбаться.
 — Нет.
 — Это был не вопрос.
 — Мой ответ тоже.
 — Почему?
 — Потому что Седьмая башня молчит уже двенадцать лет. Потому что после реформы печатей туда не входят без разрешения генерала и двух членов совета. Потому что на подходах стоят родовые запреты. И потому что вы, при всем уважении к сегодняшнему чуду у ворот, не знаете даже, где она находится.
 — Значит, покажете.
 — Вы плохо слышите слово “нет”?
 — Отлично слы-

шу. Просто сегодня оно уже звучало слишком часто в мой адрес и редко было убедительным.
Ортен прищурился.
— Прежняя Лиора так бы не сказала.
Вот снова.
Прежняя Лиора.
Слишком мягкая. Слишком тихая. Слишком удобная для всех, кто теперь удивлялся, почему я не опустила глаза.
— Прежняя Лиора оставила мне записку, — сказала я.
Это вырвалось почти само.
Ортен замер.
— Какую записку?
Я пожалела в тот же миг. Но отступить было поздно.
— С предупреждением. Не дать снять мое имя с Седьмой башни.
Он больше не выглядел насмешливым.
— Где она?
— Записка?
— Да.
— В безопасном месте.
— На вас, значит.
Я промолчала.
Ортен тихо выдохнул.
— Не показывайте ее никому из совета. И Сайрену пока тоже.
Имя генерала прозвучало у него без титула. Не фамильярно, но как у человека, который знал его достаточно давно, чтобы не прятаться за церемониями.
— Почему?
— Потому что генерал привык сначала хвататься за меч, потом понимать, что перед ним не враг, а последствие его же решений. В вопросах договоров это вредная последовательность.
— Вы его не любите?
— Я люблю точные формулировки. Сайрен Вольт-Рейн — хороший военный. Иногда даже честный человек. Но честный человек, уверенный в непогрешимости приказа, может натворить больше бед, чем трус.
С этим я спорить не стала.
— Он знает о держательницах возвращения?
—

Должен был.
 — Но не знает?
 — Он знает ту версию, которую ему дали наставники.
 — Лаувен? — спросила я внезапно.
 Имя возникло из чужого, слабого, почти стертого воспоминания: военный зал, тяжелая рука на плече молодого Сайрена, голос старшего мужчины: “Победа любит чистые решения”.
 Ортен посмотрел на меня очень внимательно.
 — Интересно.
 — Что?
 — Это имя вы вспомнили слишком быстро.
 — Я много чего сегодня вспоминаю быстро. И почти ничего вовремя.
 — Маркграф Эйм Лаувен был наставником Сайрена. Сейчас возглавляет военное крыло совета. Если у крепости есть человек, который считает теплые узлы слабостью, то он стоит где-то рядом с этой мыслью.
 — А Веста?
 — Веста Роннель умна. Умные люди редко пачкают руки там, где можно дать другому чистый нож.
 В коридоре вдруг стало холоднее.
 Печать на решетке блеснула.
 Ортен заметил.
 — Нам нужно уйти.
 — В Седьмую башню?
 — В мой кабинет. Если вы и дальше будете задавать опасные вопросы у запечатанной решетки, скоро сюда придут те, кто отвечает на них хуже меня.
 — Мне нужно в башню.
 — Вам сначала нужно понять, что именно с нее сняли. Или собираются снять.
 Он развернулся и пошел по правому коридору, не оглядываясь.
 Я посмотрела на решетку.
 За ней было темно.
 Но где-то в этой темноте, очень далеко, послышался слабый звук. Не голос. Не шаг. Скорее удар сердца, запертого в камне.
 Я пошла за

Ортенюм.
 Его кабинет оказался не кабинетом, а узкой комнатой между архивом и старой кладовой. Потолок низкий, стены заставлены шкафами, на полу стопки футляров, свитков, деревянных коробов. На столе стояла лампа с обычным желтым огнем.
 Обычным.
 Не ледяным.
 Я невольно остановилась.
 Ортен заметил.
 — Нравится?
 — Тепло.
 — Не говорите совету. Они считают, что желтый огонь портит строгость северной службы.
 — А вы?
 — А я считаю, что работать пальцами, которые не чувствуешь от холода, неудобно.
 Кабинет пах воском, сухой кожей, пылью и травяным чаем. Не роскошно. Живо. После мертвых синих огней крепости здесь хотелось сделать нормальный вдох.
 Ортен указал на стул.
 — Садитесь. И достаньте записку.
 — Вы сами сказали никому ее не показывать.
 — Я сказал — никому из совета и Сайрену. Я не совет и, к счастью для всех, не Сайрен.
 — Удобная поправка.
 — Я же смотритель договоров.
 Я не села. Осталась стоять.
 — Сначала ответьте. Почему прежняя Лиора доверила записку не вам, а спрятала в шкафу?
 Ортен на миг прикрыл глаза.
 И впервые его лицо стало не острым, не ироничным, а усталым.
 — Потому что я опоздал.
 — Куда?
 — Ко всем важным вещам. К ее просьбе о проверке договора. К первому сбою источника. К последнему письму, которое она мне отправила, а я получил уже вскрытым и пустым.
 — Пустым?
 — Да. Бумага была. Слова исчезли. Я решил, что это преду-

преждение мне.
 — А это было предупреждение ей.
 — Возможно.
 Он открыл глаза.
 — Теперь записка.
 Я медленно вынула лист и протянула ему.
 Ортен взял его не сразу. Сначала достал из ящика тонкие перчатки, надел, только потом коснулся бумаги. Прочитал один раз. Второй. На третьем его лицо изменилось.
 — Что? — спросила я.
 Он провел пальцем над строкой, не касаясь чернил.
 — Это ее почерк. Но не только ее чернила.
 — В смысле?
 — Бумага с серебряным волокном хранит последнее намерение писавшего. Если человек лгал, волокна холодеют. Если писал под принуждением, темнеют. Если вкладывал часть теплого узла...
 — Что?
 Ортен поднял лист к лампе.
 В серебряных нитях на миг вспыхнуло слабое золотистое свечение.
 — Тогда бумага помнит больше, чем написано.
 Я подошла ближе.
 В свете лампы между строк действительно проявились тонкие черты. Не буквы. Линии. Как схема.
 — Это карта?
 — Нет. Обходной путь.
 — К Седьмой башне?
 — К старому архиву рубежных браков. Оттуда есть лестница, которую не внесли в новые военные планы.
 — Значит, пойдём.
 Ортен посмотрел на меня поверх записки.
 — Вы потрясающе быстро переходите от “что здесь происходит” к “пойдем в запрещенное место”.
 — Меня утром чуть не стерли с ворот. Ускоренный курс местной осторожности я считаю проваленным.
 — Седьмая башня ночью опасна.
 — Днем мне тоже не очень понравилось.

Он сложил записку и вернул мне.
 — Не сегодня.
 — Почему?
 — Потому что в башню нельзя идти, не понимая договора. Иначе вы услышите не правду, а ее осколки. Осколки режут.
 — У меня нет времени.
 — У вас его больше, чем было утром. Ворота вам его купили. Не тратьте глупо.
 Я сжала записку.
 Он был прав.
 Бесит, когда правы не те, кого хочется послать.
 — Тогда показывайте договор.
 Ортен усмехнулся краем губ.
 — Вот это уже разумное безумие.
 Он подошел к самому дальнему шкафу. Достал из-за ряда пустых переплетов длинный черный футляр и положил его на стол. Замки на футляре были не металлические — костяные, с мелкими символами. Ортен коснулся каждого набалдашником трости.
 Щелк.
 Щелк.
 Щелк.
 Крышка открылась.
 Внутри лежал свиток из плотной темной кожи. Не пергамент. Именно кожа, тонкая, выделанная до мягкости, с серебряными краями. От него пахло снегом, дымом и чем-то теплым, почти хлебным.
 — Брачный рубежный договор Лиоры Невант и Сайрена Вольт-Рейна, — сказал Ортен. — Копия старая, не заверенная последней реформой печатей. За хранение такой меня могут отправить считать ледяные трещины на внешней стене до конца жизни.
 — Вас пугает?
 — Скука — да. Наказание — умеренно.
 Он развернул свиток.
 Буквы были незнакомые. Угловатые, тонкие, похожие на следы коньков на льду. Но стоило мне всмотреться, как смысл начал проступать.
 Не переводо-

м.
Памятью тела.
“В год сорок седьмой от Великого
смыкания северных рубежей заключается договор между до-
мом Невант и домом Вольт-Рейн...”
Я читала медленно,
скользя взглядом по строкам.
Сайрен Вольт-Рейн при-
нимает Лиору Невант в крепость Карн-Эйд не как гостью, не
как заложницу, не как украшение власти, а как...
Там
было стерто.
Не чернилами.
Слово в середине фра-
зы было не зачеркнуто и не выскоблено. Оно будто замерзло
изнутри. На его месте лежала белая ледяная пленка, плот-
ная, гладкая, непроницаемая.
Я коснулась ее взглядом,
и в висках кольнуло.
— Что там было?
Ортен мол-
чал.
— Вы знаете.
— Догадываюсь.
— Это раз-
ные вещи.
— В договорах — очень.
Я подняла на
него глаза.
— Не играйте со мной в советника.
Он
не обиделся.
Наоборот, кажется, одобрил.
— В ста-
рых рубежных браках жена генерала именовалась не домаш-
ним якорем. Это поздняя унижительная замена. Изначально
было другое слово.
— Какое?
— Равнодержатель-
ница.
Слово прозвучало странно. Тяжело. Почти торже-
ственно.
— Равная держательница защиты?
— Не
войска. Не приказа. Возвращения, внутреннего щита, чело-
веческой памяти крепости. Генерал держал лед. Жена — то,
ради чего лед не должен был стать смертью.
Я снова по-
смотрела на вымороженное место.
— Кто-то убрал это
из договора.
— Да.
— И заменил на “домашний
якорь”.
— Позже, в официальной копии.
Меня за-

тошнило от злости.
 Не яркой, не крикливой. Холодной. Очень подходящей этому месту.
 — То есть Сайрен подписал один договор, а потом жил по другому?
 — Сайрен подписал то, что ему прочли на церемонии. Вопрос в том, что он запомнил, а что ему позволили забыть.
 — Вы его оправдываете?
 — Нет. Взрослых мужчин, особенно генералов, вредно оправдывать. Они потом начинают верить, что последствия их не касаются. Я говорю, что подлог старше его сегодняшнего решения.
 Я вспомнила лицо Сайрена у ворот. Его спокойное “подтверждаю”. Его “бесполезная связь”. Его позднее “что ты чувствуешь?”.
 — Он все равно согласился снять мое имя.
 — Да.
 — После этого прошлые подлоги не делают его невиновным.
 — Нет.
 Вот за это Ортен мне понравился окончательно.
 Он не пытался сгладить. Не лечил красивыми словами. Не говорил, что Сайрен хороший, просто заблуждался. Заблуждения, за которыми стоят чужие сломанные жизни, не становятся мягче от хорошей осанки.
 Я снова наклонилась к свитку.
 После вымороженного слова шли строки о семи башнях.
 “Имя Лиоры Невант вписывается в ворота, источник и Седьмую башню до тех пор, пока...”
 Дальше снова лед.
 Но здесь лед был темнее.
 Не белая пленка, а серый мутный нарос, похожий на замерзший дым.
 — И тут стерто.
 Ортен подошел ближе.
 — Это хуже.
 — Почему?
 — Первое слово просто выморожено. Его скрыли. А здесь клятву не

скрыли — ее повредили.
 — Можно восстановить?
 — Теоретически. Нужен первичный след.
 — Где?
 Он посмотрел на меня.
 — В Седьмой башне.
 Тепло в моей брачной печати на пальце дрогнуло. Тонко, болезненно.
 — Значит, туда.
 — Не сейчас, — повторил Ортен. — Сначала я должен понять, какие запреты стоят между вами и башней.
 — Печать Роннелей на решетке?
 — Это внешний замок. Для отвода глаз. Настоящие запреты глубже. На именах, на праве входа, на памяти стражи.
 — Кто мог их поставить?
 — Совет, если получил согласие главы крепости.
 — Сайрена?
 — Или того, кто действовал его властью.
 — Лаувен.
 — Возможно.
 Снаружи кабинета послышались шаги.
 Мы оба замолчали.
 Шаги приближались быстро. Не осторожно, как у подслушивающего слуги. Уверенно. По-хозяйски.
 Ортен мгновенно свернул договор, но не успел убрать футляр.
 Дверь открылась без стука.
 На пороге стоял Сайрен Вольт-Рейн.
 Без плаща, в темном мундире, с серебряной военной печатью на запястье. Лицо спокойное. Глаза — нет.
 Он посмотрел сначала на меня. Потом на Ортена. Потом на черный футляр на столе.
 — Любопытно, — сказал он. — Мне сообщили, что госпожа Невант отдыхает в своих покоях.
 Ортен мягко улыбнулся:
 — Видимо, покои оказались недостаточно убедительны.
 Сайрен не оценил.
 — Оставьте нас.
 — Это мой кабинет, генерал.
 — Ортен.
 Всего одно имя.
 Но

в нем было предупреждение.
Ортен постучал пальцами по трости.
— Вы врываетесь ночью в архивное крыло, находите здесь свою жену рядом со старым договором и хотите, чтобы я ушел? Нет, Сайрен. В такие минуты смотрители договоров обычно остаются. Потом меньше лжи в протоколе.
Слово “жену” Сайрен не поправил.
Я заметила.
Он тоже понял, что я заметила.
— Лиора, — сказал он, — почему ты покинула крыло без охраны?
— Потому что охрана исчезла.
Его взгляд стал острее.
— Что значит исчезла?
— У моей двери никого не было.
Сайрен повернул голову к коридору.
На скулах у него проступило напряжение.
— Я поставил двух людей.
— Поздравляю. Теперь у вас на два вопроса больше.
Ортен тихо хмыкнул.
Сайрен сделал вид, что не услышал.
— Что вы нашли?
— А вы как думаете? — спросила я.
— Я думаю, ты не понимаешь, насколько опасно лезть в старые рубежные документы без проводника.
— У меня был проводник.
— Ортен любит считать себя исключением из всех правил.
— Потому что многие правила писались людьми хуже меня, — заметил Ортен.
Сайрен бросил на него тяжелый взгляд.
— Не сейчас.
— Именно сейчас. У вашей жены сегодня пытались снять имя с ворот по документам, которые, возможно, подделаны. Я бы сказал, момент подходящий.
Сайрен медленно повернулся к столу.
— Покажите.
Ортен не двинулся.
— Нет.
В ком-

нате стало так тихо, что желтое пламя лампы казалось слишком громким.
 — Это приказ, — сказал Сайрен.
 — А это старый брачный договор, генерал. Его нельзя читать приказом. Только правом.
 — У меня есть право.
 — Возможно. Но после того, что случилось у ворот, ваше право уже не единственное.
 Сайрен посмотрел на меня.
 — Ты хочешь, чтобы я просил?
 Я выдержала его взгляд.
 — Я хочу, чтобы вы поняли разницу.
 Молчание.
 Длинное.
 Не злое — опасное.
 Потом Сайрен сделал то, чего я не ожидала.
 Он отступил на полшага от стола.
 — Лиора. Покажи мне договор.
 Не “я приказываю”.
 Не “немедленно”.
 Не “ты должна”.
 Имя. Просьба. Жесткая, почти подавленная, но просьба.
 Ортен поднял брови.
 Я тоже едва не выдала удивление.
 Вот только маленькая просьба не отменяла утреннего белого платья.
 — Зачем? — спросила я.
 — Потому что если мой договор подделан, я должен это знать.
 — Ваш договор?
 Он сжал челюсть.
 — Наш.
 Слово упало между нами тяжело.
 Мне не стало мягче. Но стало внимательнее.
 Я кивнула Ортену.
 Тот развернул свиток снова.
 Сайрен подошел.
 Свет лампы лег на его лицо снизу, делая черты жестче. Он читал быстро. Сначала спокойно. Потом медленнее. На вымороженном слове его взгляд остановился.
 — Что это?
 — То, что вы должны были спросить двенадцать лет назад, — сказал Ортен.
 — Я не у

вас спрашиваю.
 — А зря. Я отвечаю неприятнее, зато точнее.
 Сайрен наклонился к свитку.
 Пальцы его легли на край стола. Крепкие, длинные, с тонкими белыми шрамами. Не украшенные перстнями. Только военная печать на запястье.
 — Этого не было в моей копии.
 — В вашей официальной копии многое было удобнее, — сказал Ортен.
 Сайрен молчал.
 Я смотрела на него, пытаюсь понять, что происходит внутри этой ледяной головы. Злость? Недоверие? Страх потерять контроль? Или первая щель в уверенности, что все решения были верными?
 — Какое слово здесь было? — спросил он.
 Ортен не ответил.
 Сайрен поднял глаза.
 — Лиора?
 Я почувствовала, как вымороженное место в договоре тянет взгляд. Будто подо льдом лежала не буква, а заноза, которую нужно вытащить.
 — Равнодержательница, — сказала я.
 Сайрен застыл.
 Слово ударило по нему сильнее, чем я ожидала.
 — Кто тебе сказал?
 — Договор.
 — Лиора.
 — Ортен подтвердил. Но я увидела раньше.
 Он посмотрел на Ортена.
 Тот не стал играть.
 — В старой формуле было именно это слово.
 — Почему мне об этом не доложили?
 Ортен усмехнулся сухо:
 — Генерал, вам сегодня утром доложили, что ваша жена бесполезна, и вы прекрасно приняли доклад.
 Удар был точным.
 Сайрен медленно выпрямился.
 — Осторожнее.
 — Поздно. Осторожность привела нас к тому, что крепость забывает детей, солдат и дороги, а госпожу Невант

едва не вырезали из ворот.
 — Детей? — резко спросила я.
 Ортен нахмурился.
 — Что?
 — Вы сказали “забывает детей”.
 — Как пример.
 — Нет. Почему именно детей?
 Он открыл рот, но в этот миг за дверью раздался шум.
 Быстрые шаги. Голоса. Один из них — женский, сорвавшийся от страха.
 Сайрен мгновенно развернулся и распахнул дверь.
 В коридоре стоял молодой офицер. Лицо белое, на мундире снег, хотя из крепости он, кажется, не выходил.
 — Генерал.
 — Говори.
 Офицер сглотнул.
 — В западном жилом крыле переполох. Трое слуг не могут найти детскую комнату. Матери помнят, что у них есть дети, но не могут назвать, сколько. У одной девочки исчезло имя с дверной таблички.
 Сердце ухнуло вниз.
 Сайрен посмотрел на меня.
 Не как на подозреваемую.
 Как на человека, который может знать ответ.
 Но я не знала.
 Я только чувствовала: где-то глубоко в крепости что-то вырезали дальше, пока мы спорили над договором.
 Веста была не здесь.
 Лорд Хайр был не здесь.
 Лаувен был не здесь.
 И Седьмая башня молчала.
 Я схватила свиток за край и снова посмотрела на серый лед во второй стертой строке.
 “Имя Лиоры Невант вписывается в ворота, источник и Седьмую башню до тех пор, пока...”
 Ледяная пленка дрогнула.
 На мгновение под ней проступила одна-единственная буква.
 Потом исчезла.
 Но я успела ее увидеть.
 Не буква даже — начало слова.

“Д...”
Сайрен тоже увидел. — Что это значит?
Ортен медленно закрыл футляр. — Это значит, генерал, что кто-то не просто скрывал клятву. Кто-то сейчас продолжает ее ломать. Я прижала ладонь к брачной печати на пальце. Она больше не была холодной. Она жгла. А из глубины коридора донесся едва слышный детский плач, который сразу же оборвался, будто крепость забыла, кому он принадлежал.

Глава 4. Генерал приводит другую к очагу

Детский плач оборвался так резко, будто кто-то зажал рот самой крепости.
 Сайрен вышел в коридор первым.
 Не побежал. Не сорвался. Просто шагнул — и все вокруг мгновенно изменилось. Офицер выпрямился, стражники у дальнего поворота вытянулись, даже голубое пламя в нишах будто стало жестче. Вот что значила привычная власть: один человек делает движение, и мир вокруг вспоминает порядок.
 Только Карн-Эйд, кажется, вспоминал уже не все.
 — Западное жилое крыло закрыть, — приказал Сайрен. — Никого не выпускать и не впускать без моего знака. Позвать старших матерей, писаря имен и госпожу Роннель.
 — Госпожу Роннель? — спросила я.
 Он повернул голову.
 — Она лекарка.
 — А еще ее род ставил печати у старой решетки.
 Ортен тихо кашлянул:
 — Технически род Роннель ставил печать, госпожа Невант. Прямой подписи Весты я пока не видел.
 — Пока, — повторила я.
 Сайрен посмотрел на нас обоих.
 — У вас есть доказательства против нее?
 — У вас утром были доказательства против меня?
 Его лицо стало неподвижным.
 — Сейчас не время.
 — Странно, как часто это говорят, когда время наконец становится неудобным.

м.
 Офицер у двери старательно смотрел в стену.
 Ортен сжал трость обеими руками, но в глазах его мелькнуло одобрение.
 Сайрен сделал шаг ближе. Не угрожающе — скорее так, чтобы говорить тише.
 — Лиора, в западном крыле дети. Если Веста может помочь хотя бы одному из них вспомнить имя, я позову ее.
 — А если она поможет так, что все поверят в вашу версию: мой узел нестабилен, крепость больна из-за меня, развод нужно завершить быстрее?
 — Я не позволю обвинить тебя без проверки.
 — Вы уже позволили.
 Слова упали между нами, как тонкий нож на камень.
 Он не ответил.
 Потому что возразить было нечем.
 И это молчание оказалось важнее любых его приказов.
 — Генерал, — осторожно сказал офицер, — в западном крыле ждут.
 Сайрен отступил.
 — Ортен, договор остается у вас. Никому не показывать без моего разрешения.
 — Без вашего разрешения? — переспросил Ортен с вежливым интересом.
 Сайрен на секунду закрыл глаза.
 — Без разрешения госпожи Невант и моего.
 — Уже лучше, — сказал Ортен.
 Я забрала записку прежней Лиоры и спрятала обратно.
 Сайрен заметил движение, но не спросил.
 Это тоже было маленьким изменением.
 Мы пошли в западное крыло.
 Коридоры крепости казались длиннее, чем раньше. Или я просто начала слышать, сколько в них пустот. Карн-Эйд не был мертвым, нет. Он был раненым. Его память не исчезала вся сразу, а выпадала кусками, как вырывают стра-

ницы из книги: здесь имя, там дорога, там лицо матери, там детская комната.
 У поворота к жилому крылу пахло мо-
локом, мокрой шерстью и страхом.
 Люди толпились у
закрытых дверей. Женщины в простых платьях, несколько
солдат без шлемов, двое стариков, мальчик лет десяти с де-
ревянной лошадкой в руках. На двери ближайшей комнаты
висели три таблички. Две с именами. Третья — пустая, глад-
кая, будто на ней никогда ничего не писали.
 Одна жен-
щина рвалась к двери, ее удерживали две служанки.
 —
У меня там дочь! — повторяла она. — Я знаю, что дочь!
Я помню косу. Помню, как она смеется. Но имя... дайте
мне ее имя!
 Сайрен остановился.
 Мне показалось,
что он сейчас отдаст приказ. Любой. Привычный. Жесткий.
Чтобы вернуть миру форму.
 Но он молчал.
 Пото-
му что здесь приказ не работал.
 Я подошла к женщи-
не.
 — Что у нее было с собой?
 Она уставилась на
меня мутными от слез глазами.
 — Что?
 — У вашей
дочери. Любимая вещь. Игрушка, лента, чашка, что угод-
но.
 — Лента... нет... варежка. Желтая варежка. Она
одну потеряла весной и плакала, потому что бабушка вяза-
ла...
 Женщина осеклась.
 — Бабушка... как ее зва-
ли? Как звали мою мать?
 Сайрен сжал пальцы в кула-
к.
 Я увидела это боковым зрением.
 — Варежка где?

 — В комнате. В сундуке у окна. Кажется.
 Я косну-
лась пустой таблички.
 Дерево было холодным. Пустым
сверху. Но глубже — нет. Там осталось место от букв, как

на коже остается след от кольца.
 — Откройте дверь,
— сказала я.
 Стражник посмотрел на Сайрена.
 Тот кивнул.
 Дверь открыли.
 В комнате было трое детей.
 Две девочки сидели на кровати, прижавшись друг к другу. Мальчик стоял у окна и не плакал — только смотрел в стекло слишком взрослым взглядом. Четвертой девочки не было.
 — Здесь трое, — прошептала служанка. — Всегда было трое?
 Женщина за моей спиной застонала.
 Я вошла.
 Комната пахла теплой тканью, детским сном и чем-то стертым. У окна действительно стоял сундук. Я открыла его, перебрала платки, рубашки, маленькие чулки. На самом дне нашла одну желтую варежку с кривой вышитой птицей.
 Как только я взяла ее в руки, под пальцами вспыхнуло тепло.
 Не сильное. Детское. Живое.
 Снег на подоконнике. Маленькая ладонь в большой женской руке. Смех. “Не снимай, простудишься”. “Я не снимаю, я птицу показываю”. И имя, тонкое, звонкое, почти потерянное.
 — Эльна, — сказала я.
 Женщина вскрикнула:
 — Эльна!
 В воздухе что-то щелкнуло.
 Пустая табличка на двери покрылась инеем, потом иней треснул. На дереве проступили буквы: Эльна Мирт.
 У дальней стены дрогнула тень.
 Сначала я подумала, что это игра света. Но потом в комнате, там, где секунду назад никого не было, проступила маленькая девочка лет пяти в ночной рубашке и одной желтой варежке на руке. Она сидела на полу, обняв колени, и смотрела на нас так, будто все это время

была здесь, а мы просто забыли, как ее видеть.
 — Мама? — спросила она.
 Женщина бросилась к ней.
 Дети заплакали уже все сразу.
 Я отступила к стене, потому что ноги стали слабыми. Варезка в моей руке остыла.
 В дверях стоял Сайрен.
 Не двигался. Не говорил. Только смотрел на девочку, которую крепость только что вернула по одному имени.
 Веста пришла через несколько минут.
 И вошла так, будто появилась в нужный миг сама судьба: белый мех, гладкая прическа, спокойное лицо, лекарская сумка в руке. За ней — лорд Хайр и еще двое советников. Конечно. Случайно никто из них не опоздал.
 — Что произошло? — спросила Веста.
 Мать держала девочку на руках и плакала.
 — Госпожа Невант вернула Эльну, — сказал мальчик у окна.
 Веста повернулась ко мне.
 Мягко. Почти с тревогой.
 — Вернула?
 — Напомнила крепости ее имя, — сказала я.
 Веста подошла к девочке, но та спряталась лицом в плечо матери.
 — Не хочу, — пробормотала она.
 Лицо Весты не изменилось.
 — Я только посмотрю, не навредил ли тебе всплеск.
 — Она не хочет, — сказала я.
 — Дети часто боятся после потрясения.
 — Взрослые тоже. Но это не дает вам права трогать их без согласия.
 Лорд Хайр недовольно нахмурился:
 — Госпожа Невант, не мешайте лекарской проверке. После вашего вмешательства...
 — После моего вмешательства ребенок снова сидит у матери на руках.
 — Именно поэтому нужно понять, ка-

кой ценой.
 Сайрен наконец заговорил:
 — Осмотр позже. При матери. Без зелий.
 Веста медленно повернулась к нему.
 — Сайрен, если память ребенка была выдернута из защитной сетки, промедление опасно.
 — Я сказал: позже.
 — Как прикажете.
 Опять это покорное “как прикажете”.
 Только теперь оно прозвучало слишком чисто.
 Советники переглянулись. Я увидела, как быстро они собирают новую картину: Лиора проявила силу, но сила неизвестна; неизвестное опасно; опасное нужно ограничить; Веста разумна; Сайрен колеблется.
 Именно так создают правду, удобную для протокола.
 К вечеру крепость уже гудела от слухов.
 Меня вернули в покои не силой, но с таким количеством “охраны”, что разница стала совсем тонкой. Сайрен ушел в военный зал. Веста — в лекарское крыло, хотя я не сомневалась, что по пути успела утешить нужных людей. Ортен исчез с договором, пообещав узнать, кто давал разрешение на печать у старого прохода.
 Я осталась одна.
 Но ненадолго.
 Перед самым ужином пришла старшая служанка. Женщина лет пятидесяти, сухая, с туго убранными волосами и лицом человека, который привык выживать в доме, где любое слово может стать доносом.
 — Госпожа Невант, вас приглашают в большой очаговый зал.
 Я подняла взгляд.
 — Кто приглашает?
 — Генерал.
 — На допрос?
 Служанка замялась.
 — На ужин совета.
 Интересно.
 Утром меня снимали с ворот. Днем допрашивали.

Вечером зовут к общему столу. Северное гостеприимство развивалось стремительно.
 — Зачем?
 — Объявление, госпожа.
 — Какое?
 Служанка опустила глаза.
 — Мне не сказали.
 Конечно.
 Я выбрала не белое платье. Ни за что.
 В шкафу нашлось темно-синее, почти черное, с высоким воротом и узкими рукавами. Строгое, закрытое, без лишней вышивки. На груди — серебряная застежка в форме тонкой ветви. Волосы я собрала сама, неумело, но крепко. В зеркале Лиора выглядела бледной, уставшей и совершенно не готовой играть покорную изгнанную жену.
 Хорошо.
 Большой очаговый зал располагался в центре крепости.
 Название оказалось насмешкой: очаг там был, огромный, в человеческий рост, но горело в нем все то же голубое ледяное пламя. Оно красиво плясало над черными поленьями и не давало тепла. Над очагом висел знак дома — ладонь под крышей. Сейчас ладонь была покрыта инеем.
 За длинным столом сидели члены совета, старшие офицеры, несколько родовитых дам и мужчины в мехах. Сайрен стоял во главе зала, не у стола. Рядом с ним — Веста.
 Не сбоку, не среди гостей.
 Рядом.
 На ней было платье цвета светлого льда, простое и безупречное. Волосы перехвачены серебряной лентой. На лице — мягкая усталость человека, который весь день спасал других. Кто-то из женщин смотрел на нее с откровенным сочувствием. Кто-то — с надеждой.
 Я вошла, и разговоры стихли.
 Не из уважения.
 Из жадного ожидания.
 Сайрен по-

вернулся ко мне.
 Наши взгляды встретились через весь зал.
 Я сразу поняла: он не хотел, чтобы я узнала это при всех. Или, наоборот, хотел именно при всех, чтобы я не смогла сорваться? С ним пока было трудно. Он делал шаг к разуму, потом два — обратно к приказу.
 — Госпожа Невант, — сказал он официально.
 Не “Лиора”.
 Не “моя жена”.
 Госпожа Невант.
 Как удобно для зала.
 Я прошла вперед и остановилась не у свободного места, которое мне указали сбоку, а в нескольких шагах от него.
 — Генерал.
 Кто-то тихо ахнул. Видимо, прежняя Лиора не называла мужа титулом таким тоном.
 Сайрен выдержал паузу.
 — После сегодняшних событий совет считает необходимым усилить контроль над внутренними защитами крепости.
 — Совет считает? — спросила я.
 Лорд Хайр стукнул пальцами по столу.
 — Госпожа Невант, не перебивайте главу крепости.
 — Я уточняю. У меня сегодня день уточнений.
 Несколько офицеров опустили глаза, пряча реакцию.
 Сайрен не позволил себе ни тени улыбки.
 — Решение принято мной.
 — Тогда продолжайте.
 Он чуть сузил глаза.
 — Госпожа Веста Роннель временно займет гостевое крыло у военного очага и получит доступ к лекарским печатям внутреннего круга.
 В зале стало тихо-тихо.
 Вот оно.
 Генерал приводит другую к очагу.
 Не к себе в спальню, нет. Не так грубо. Не так легко обвинить. Он вводит ее в сердце крепости под видом необходимости. К во-

енному очагу, к внутреннему кругу, к печатям. Дает ей место, которое все увидят и каждый истолкует правильно.
Будущая жена.
Будущая опора.
Замена.
Веста опустила глаза, словно это назначение ее тяготило.
Какая скромная победа.
— Разумное решение, — сказал один из советников. — После нестабильного проявления теплого узла...
Я повернула голову.
— После чего?
Он осекся.
Лорд Хайр вмешался:
— Госпожа Невант, никто не умаляет вашего сегодняшнего участия.
— Участия?
Я медленно посмотрела на Сайрена.
— Я правильно понимаю, генерал? Когда крепость назвала меня госпожой северных ворот, это “нестабильное проявление”. Когда я вернула ребенку имя, это “участие”. А когда госпожа Роннель получает доступ к внутренним печатям, это “усиление защиты”.
Веста подняла на меня глаза.
— Я понимаю, как это может выглядеть для вас.
— Правда?
— Вы пережили трудный день. Ваше положение изменилось. Вам кажется, что любое решение направлено против вас.
— Мне не кажется. Я просто умею считать.
Сайрен произнес негромко:
— Лира.
— Нет, генерал. Позвольте я договорю. Утром вы пытались снять мое имя с ворот на основании договора, который, как выяснилось, может быть поврежден. Днем в крепости начались провалы памяти. К вечеру женщине, чей род ставил печати на старых проходах, дают доступ к внутреннему кругу. И все это называется заботой о безопасности?

В зале зашептались.
 Веста побледнела.
 На этот раз без игры или с игрой лучше прежней.
 — Вы обвиняете мой род?
 — Я задаю вопрос.
 — При всех?
 — Меня тоже при всех называли бесполезной. Здесь, кажется, так принято.
 Сайрен сделал шаг от очага.
 — Достаточно.
 — Нет.
 Слово вылетело спокойно.
 Но зал услышал.
 Я повернулась к нему всем корпусом.
 — Если вы вводите госпожу Роннель к военному очагу, я требую доступ к брачному договору.
 Лорд Хайр поднялся.
 — Невозможно.
 — Почему?
 — Вы не член совета.
 — Зато я, если верить сегодняшним воротам, часть защиты крепости.
 — Это не установлено.
 — Тогда не установлено и то, что мой брак можно расторгнуть без последствий. Однако вы пытались.
 Сайрен молчал.
 Я смотрела только на него.
 — Мне нужен официальный доступ к полной версии договора. Не копии, которую удобно читать совету. Не пересказ. Не выписка. Полный рубежный договор Лиоры Невант и Сайрена Вольт-Рейна со всеми приложениями, печатями, правками и основаниями для обряда Снятия Имени.
 Веста тихо сказала:
 — Госпожа Невант, такие документы требуют подготовки. Вы можете неверно понять старые формулы и навредить себе.
 Я даже не посмотрела на нее.
 — Как удачно, что рядом есть люди, которые всегда готовы понимать за меня.
 Сайрен наконец заговорил:
 — Зачем тебе договор?
 — Чтобы узнать, кем я была

до того, как вы все решили, что я никто.
 Ответ попал в цель.
 Я увидела это по тому, как он чуть изменился в лице. Не много. На нем вообще все менялось скупо. Но достаточно.
 — Доступ к договору будет, — сказал он.
 Лорд Хайр резко повернулся:
 — Генерал!
 — Будет, — повторил Сайрен. — В присутствии смотрящего договоров, двух свидетелей и меня.
 — И без госпожи Роннель, — добавила я.
 Веста опустила ресницы.
 — Если мое присутствие вас тревожит...
 — Тревожит не присутствие. Тревожит ваша привычка объяснять любую правду моей нестабильностью.
 Сайрен посмотрел на Весту.
 Потом на меня.
 — Без госпожи Роннель, — сказал он.
 Теперь зал зашумел сильнее.
 Веста осталась неподвижной. Но рука ее на миг сжалась на серебряной ленте у пояса.
 Маленькая трещина в безупречной мягкости.
 Я не успела почувствовать победу.
 Потому что очаг погас.
 Голубое ледяное пламя просто свернулось внутрь, как цветок перед морозом. Зал погрузился в серый полумрак. Кто-то вскрикнул. Офицеры поднялись. У дальней стены посыпался иней — не с потолка, не с окна, а прямо из камня.
 Сайрен развернулся к очагу.
 — Печати!
 Три служителя бросились к каменным чашам у стен. Их пальцы засветились голубым. Но пламя не вернулось.
 Вместо него из глубины очага донесся звук.
 Кап.
 Кап.
 Кап.
 В полной тишине он был страшнее крика.
 Сайрен побледнел.
 Веста то-

же услышала и впервые забыла сделать печальное лицо.
Ортен, стоявший у боковой двери — когда он успел прийти? — тихо сказал:
— Источник.
Я повернулась к нему.
— Что?
— Теплый источник под крепостью. Он не капает. Он течет.
Кап.
Кап.
Кап.
На черном камне очага выступила белая корка.
Иней побежал по знаку дома над пламенем, закрыл ладонь, крышу, последнюю тонкую линию тепла.
Сайрен резко направился к выходу.
Но не успел дойти.
В зал вбежал солдат, на ходу сбивая дыхание.
— Генерал! Нижний источник...
Он осекся, увидев погасший очаг.
— Говори, — сказал Сайрен.
Солдат сглотнул.
— Он замерз. Полностью.
По залу прошел ужас.
Не шум. Не паника.
Именно ужас — глубокий, старый, родовой, будто каждый в Карн-Эйде с детства знал: если теплый источник замерзнет, крепость начнет умирать.
Я почувствовала, как под кожей у пальца ожила брачная печать.
Она жгла сильнее, чем раньше.
А потом из погасшего очага поднялся тонкий пар.
Не холодный.
Теплый.
Он протянулся ко мне одной-единственной светлой нитью и коснулся запястья.
Весь зал увидел.
Веста тоже.
Сайрен смотрел на мое запястье так, словно перед ним был не знак спасения, а приговор его прежней уверенности.
И в тишине, где только что умер очаг, камень под нашими ногами тихо произнес:
— Держательница, верни сердце.

Глава 5. Теплый узел

Камень произнес это не голосом.
 Скорее вся крепость на миг стала грудью, в которой скопился последний воздух, и выдохнула два слова:
 — Держательница, верни сердце.
 После этого зал не взорвался криками.
 Люди замерли.
 Иногда страх бывает громким: плач, беготня, приказы, стук упавшей посуды. А иногда он становится таким плотным, что все вокруг перестает двигаться. В большом очаговом зале Карн-Эйда замерли даже языки ледяного пламени в боковых чашах. Те, что еще не погасли, горели низко, синими иглами, будто боялись поднимать свет выше.
 Теплая нить у моего запястья дрожала.
 Она тянулась из мертвого очага — тонкая, почти прозрачная, золотистая только на самом краю. Не обжигала. Не ласкала. Просила.
 Нет, не просила.
 Звала.
 Веста первой нарушила тишину.
 — Нельзя позволять ей касаться источника.
 Сказала негромко, почти спокойно. Но зал услышал.
 Я медленно повернула голову.
 — Как быстро вы понимаете, чего нельзя делать.
 — Источник — сердце крепости, — ответила она. — После нестабильного отклика у ворот любое вмешательство может разрушить остатки тепла.
 — Остатки тепла только что позвали меня.
 — Или отреагировали на вашу тревогу.
 — Камень сказал “держательница”.
 — Камень не гово-

рит, госпожа Невант. В стрессовых состояниях теплые узлы иногда создают слуховые отголоски.
 — Удобно. Теперь вся крепость страдает моим стрессовым состоянием.
 У нескольких офицеров дрогнули лица. Но никто не усмехнулся. Не сейчас.
 Сайрен стоял между мной и погасшим очагом. Его взгляд был прикован к тонкой светлой нити, которая касалась моего запястья. Он не выглядел испуганным. Такие люди, наверное, не позволяют себе выглядеть испуганными даже перед смертью. Но вокруг него сгущалась та особая тишина, с которой военные принимают решение, от которого может зависеть больше, чем их гордость.
 — Где источник? — спросила я.
 — Под крепостью, — ответил Ортен от боковой двери. — В нижнем сердце Карн-Эйда.
 Лорд Хайр резко обернулся:
 — Вам никто не давал слова, Вейш.
 — Источник замерз. В такие минуты даже смотрителю договоров иногда позволяют произносить очевидное.
 — Молчите.
 — Обожаю, когда совет начинается с самого полезного.
 Сайрен поднял руку.
 Все замолчали.
 Даже Ортен.
 — Мы идем к источнику, — сказал генерал.
 Веста сделала шаг к нему.
 — Сайрен, прошу. Если пустить ее туда без подготовки, мы не поймем, она исцеляет источник или вытягивает из него последнюю память.
 — Тогда вы пойдете с нами и будете смотреть.
 — Мне нужны лекарские печати, защитный круг, двое снежных проводников...
 — Нет.
 Одно слово.
 Сухое, как удар.
 Веста осеклась.
 Сай-

рен посмотрел на меня.
 — Лиора пойдет к источнику. Я, Ортен, вы, лорд Хайр и двое щитовых офицеров. Больше никого.
 — А совет? — возмутился Хайр.
 — Совет останется здесь и не будет мешать крепости умирать быстрее.
 Лорд Хайр побелел от ярости, но сел.
 Я невольно посмотрела на Сайрена. Он ответил взглядом, и в этом взгляде было все то же: контроль, холод, расчет. Но теперь там появилась еще одна вещь.
 Не доверие.
 Нет.
 Вынужденное признание, что без меня он не знает следующего шага.
 — Вы ведете меня как помощь или как подозреваемую? — спросила я.
 — Как единственного человека, которому ответил источник.
 — Это не ответ.
 — Это все, что у меня есть сейчас.
 Честно.
 Неприятно, но честно.
 — Тогда запомните, генерал: если я пойду, я не позволю госпоже Роннель касаться меня без моего согласия.
 Веста тихо выдохнула, будто я оскорбила ее не как лекарку, а как святую.
 — Я не враг вам.
 — Это вы решаете?
 Сайрен перевел взгляд на Весту.
 — Без касаний. Без зелий. Без печатей на госпожу Невант без ее согласия.
 — Вы ставите условия женщины, которая сама не понимает своей силы, выше безопасности крепости?
 — Я ставлю границы, — сказал он холодно. — Которые нужно было поставить раньше.
 Вот это прозвучало уже иначе.
 Не извинение. До извинения ему было далеко, как зиме до весны. Но впервые он сказал нечто, что казалось не источника, не совета, не военной пользы.
 Ме-

ня.
 Веста опустила голову.
 — Как прикажете.
 Я уже ненавидела эту фразу.
 Путь к нижнему сердцу крепости начался за большим очагом.
 Служители отодвинули черную плиту в полу. Под ней открылась лестница — узкая, крутая, уходящая вниз в темноту. Оттуда не пахло сыростью, как должно было бы пахнуть подземелье. Оттуда тянуло мертвым холодом и слабым запахом мокрого камня.
 Тонкая нить у моего запястья стала ярче.
 — Она реагирует, — сказала Веста.
 — Я заметила.
 — Я говорила генералу.
 — А я, представьте, все равно слышу.
 Веста промолчала.
 Мы спускались долго.
 Сначала лестница была выложена черным камнем, потом стены стали белыми от старого льда. Не гладкого, а слоистого, будто крепость годами замораживала собственное дыхание. В нишах стояли чаши с ледяным огнем, но чем ниже мы спускались, тем слабее они горели. На третьем повороте одна погасла прямо при нас.
 Офицер позади резко вдохнул.
 Сайрен не обернулся.
 — Идти дальше.
 Я шла за ним.
 Его спина была ровной, плечи — неподвижными. Человек-стена. Человек-приказ. Но теперь я знала: стены тоже могут забывать, кого защищают.
 — Вы часто бывали у источника? — спросила я.
 — Да.
 — Когда последний раз?
 — Три недели назад.
 — Он уже тогда слабел?
 — Да.
 — И вы решили, что дело во мне.
 Он не ответил сразу.
 Ступени под ногами стали скользкими. Сайрен протянул руку назад — не

оборачиваясь. Жест был почти машинальным. Я посмотрела на его ладонь.
И не взяла.
Он заметил.
Медленно опустил руку.
— Совет предоставил заключения.
— А вы предпочли заключения разговору.
— Ты не говорила.
— Вы не спрашивали.
Эта фраза уже звучала между нами, но теперь она шла вниз по лестнице вместе с нами, ударялась о стены и возвращалась тише.
Сайрен сказал:
— Прежняя Лиора избегала разговоров о даре.
— Может, потому что ее не слушали.
— Может.
Я чуть не остановилась.
“Может” от Сайрена Вольт-Рейна прозвучало почти как трещина во льду.
Веста, шедшая позади с лордом Хайром, вмешалась:
— Прежняя госпожа Невант тяжело переносила любые проверки. Мы не могли давить на нее.
— Конечно, — сказала я. — Вы просто готовили развод.
— Вы несправедливы.
— Вы повторяетесь.
Ортен, спускавшийся последним, тихо пробормотал:
— Зато ритм беседы устойчивый.
Хайр раздраженно бросил:
— Вейш.
— Молчу. Наслаждаюсь лестницей.
Мы спустились еще на два пролета.
Стены начали меняться.
Лед становился прозрачнее. За ним виднелись темные прожилки, похожие на корни. Или вены. В глубине камня иногда вспыхивали слабые золотистые точки и тут же гасли. Нить у моего запястья тянула вперед уже ощутимо.
В груди появилось странное давление.
Не боль.
Ожидание.
Как будто где-то внизу меня помнили раньше,

чем я появилась в этом теле.
 Последняя дверь была не дверью.
 Огромная каменная плита с круглым знаком: ладонь, лежащая поверх волны. Знак источника. На плите стояли семь печатей, каждая в форме башенного символа. Шесть были покрыты голубым льдом. Седьмая — та, что походила на распахнутую дверь, — темнела, будто ее обожгли изнутри.
 — Печать возвращения повреждена, — сказал Ортен.
 Хайр процедил:
 — Она нестабильна после утреннего вмешательства.
 — Лорд Хайр, если бы вы когда-нибудь перестали объяснять пожар тем, что кто-то заметил дым, мы бы продвинулись.
 Сайрен коснулся военной печати на запястье.
 Лед на двери отозвался синим светом.
 Ничего не произошло.
 Он нахмурился и повторил жест.
 Опять ничего.
 Офицеры переглянулись.
 Веста тихо сказала:
 — Источник больше не принимает военный ключ.
 Сайрен повернулся к ней.
 — Вы знали, что такое возможно?
 — Теоретически. Если теплый узел искажен настолько, что внутреннее сердце перестает различать приказ.
 — Или если источник больше не верит приказу, — сказала я.
 Сайрен посмотрел на плиту.
 Потом на меня.
 — Попробуй.
 Это слово было слишком коротким для просьбы и слишком мягким для приказа.
 Я подошла к двери.
 Нить у запястья потянулась к темной седьмой печати. Брачная пластина на пальце нагрелась. Я подняла руку, но остановилась в нескольких сантиметрах от камня.
 — Что

будет, если я ошибусь? — спросила я.
 Никто не ответил.
 Прекрасно.
 — Честно, — сказала я.
 Сайрен медленно произнес:
 — Если источник окончательно замерзнет, внутренние щиты начнут закрываться. Сначала крылья крепости, потом башни. Люди внутри будут терять привязку к местам, именам, обязанностям. Карн-Эйд станет оборонной цитаделью без жилого сердца.
 — То есть крепость будет защищать стены и забывать людей.
 — Да.
 — А если я коснусь и сделаю хуже?
 Веста ответила раньше Сайрена:
 — Тогда совет будет обязан изолировать вас как угрозу внутреннему сердцу.
 Вот теперь честно.
 — Благодарю, госпожа Роннель. Вы всегда так тонко умеете поддержать.
 — Я не скрываю рисков.
 — Вы ими наслаждаетесь.
 Сайрен резко сказал:
 — Никто не изолирует Лиору без моего решения.
 — Ваше решение утром было снять мое имя.
 Он принял это молча.
 Да, генерал. Придется привыкать, что утро не исчезло только потому, что вечером вам понадобилась моя помощь.
 Я коснулась плиты.
 Сначала ничего.
 Потом камень под ладонью дрогнул.
 Не снаружи. Внутри.
 Где-то очень глубоко раздался звук, похожий на выдох. Семь печатей вспыхнули одна за другой, но не голубым — теплым, золотистым светом. Лед на двери покрылся трещинами. По ним побежали тонкие ручейки воды.
 Веста резко шагнула вперед.
 — Осторожно, она тянет тепло на себя!
 — Стоять, — сказал Сайрен.

— Но...
 — Стоять.
 Плита открылась.
 За ней было сердце крепости.
 Я не сразу поняла, что вижу.
 Огромная круглая пещера под Карн-Эйдом. Стены из черного камня и прозрачного льда. В центре — источник. Вернее, то, что должно было быть источником: широкий каменный круг, в котором застыла вода. Лед был не синий и не белый. Серый. Внутри него, будто мухи в янтаре, застыли маленькие золотые искры.
 Над источником висели семь каменных цепей. Каждая уходила вверх, к своей башне. Шесть покрывал тонкий иней. Седьмая, ведущая куда-то в темную высоту, была почти черной.
 У края источника стояли старые скамьи. На них когда-то, наверное, сидели женщины. Ждали. Грели руки. Слушали воду. Сейчас скамьи были пусты, и на каждой лежал слой инея.
 — Нижнее сердце, — сказал Сайрен.
 В его голосе было что-то, чего я раньше не слышала.
 Почтение.
 Может, даже страх.
 Я вошла первой, хотя никто не разрешал.
 Источник молчал.
 Но чем ближе я подходила, тем сильнее слышала не звук — отсутствие звука. Там, где должна была течь вода, стояла такая тишина, что от нее болели зубы.
 — Не приближайтесь к кромке, — сказала Веста. — Лед может быть...
 Я опустилась на колени у источника.
 — ...опасен, — закончила она холодно.
 Лед под моими пальцами был гладким.
 И мертвым только сверху.
 Внутри что-то билось.
 Не сердце. Память.
 Я закрыла глаза.
 И сразу провалилась в чужие голоса.
 Не

как у ворот, где были обрывки возвращений. Здесь была глубина. Женщины пели над водой. Кто-то смеялся сквозь слезы. Кто-то шептал имена уходящих отрядов. Кто-то оставлял у источника детскую ленточку, чтобы отец вернулся с рубежа. Прежняя Лиора стояла здесь одна, в синем платье, с бледным лицом и ладонями, сложенными над водой.
“Возьми у меня, если ему нужно. Только верни их живыми”.
Я вздрогнула.
Это была не молитва.
Клятва.
Перед глазами вспыхнул Сайрен — моложе, в крови и снегу, стоящий у ворот после какой-то победы. За ним возвращались люди. Не все. Но больше, чем должны были. И вода источника тогда светилась под руками прежней Лиоры.
Она отдала что-то.
Не потому что ее заставили.
Потому что крепость просила вернуть живых.
А потом кто-то записал: дар не проявлен.
Я открыла глаза.
— Он не замерз, — сказала я.
Сайрен стоял рядом, но не слишком близко.
— Что?
— Источник не умер. Его заставили забыть, зачем течь.
Хайр фыркнул:
— Поэтическая бессмыслица.
Я посмотрела на него.
— Конечно. Вам привычнее документы, где смысл заранее выморожен.
Веста приблизилась к источнику с другой стороны. На ее пальцах светились тонкие голубые знаки.
— Я чувствую блок. Ледяной. Глубокий. Если его расколоть печатью...
— Нет, — сказала я.
— Вы не понимаете структуру.
— А вы не понимаете, что это не замок.
— Тогда что?
Я положила обе ла-

дони на лед.
 — Обещание.
 На этот раз никто не заговорил.
 Даже Хайр.
 Я чувствовала под пальцами не холод, а усталость. Источник не сопротивлялся мне. Он не просил силы. Он просил вспомнить.
 Я начала говорить, не зная заранее слов:
 — Карн-Эйд стоит не ради камня.
 Лед дрогнул.
 — Не ради стен.
 В глубине серой толщи мигнула искра.
 — Не ради приказов.
 Сайрен не двигался.
 Но я чувствовала его взгляд.
 — Не ради побед, которые некому будет встретить.
 Под ладонями стало теплее.
 — Ты течешь для тех, кто уходит и должен найти дорогу обратно. Для тех, кто ждет у ворот. Для тех, чьи имена нельзя отдавать холоду.
 Лед треснул.
 Тонко.
 Как волос.
 Веста резко вдохнула:
 — Остановитесь. Если лед пойдет внутрь...
 — Молчать, — сказал Сайрен.
 Она не ожидала.
 Я тоже.
 Но не остановилась.
 Я не знала, откуда беру слова. Они поднимались не из памяти прежней Лиоры и не из моего прошлого. Из самого источника. Как будто вода подо льдом вспоминала собственный язык через меня.
 — Ты не обязан быть сильным, — прошептала я. — Тебе нужно быть живым.
 Трещина расширилась.
 Золотая искра под ней всплыла ближе к поверхности.
 И вдруг лед показал мне лицо.
 Девочка с желтой vareжкой.
 Эльна.
 Потом — солдат Тарн, забывший имя матери.
 Потом служанка Мира с разбитой чашкой.
 Потом десятки лиц. Сотни. Все, кто был привязан к крепо-

сти нитями быта, боли, долга, любви, скуки, усталости, надежды. Карн-Эйд держал их не потому, что они были важны для войны. А потому, что они были живыми.
И кто-то вырезал именно это.
Я выдохнула и прижалась лбом к холодному льду.
— Вспомни их.
Источник ударил теплом.
Не наружу — вверх.
Под моими ладонями лед не растаял целиком. Только у самой кромки, на ширину ладони, появилась темная вода. Она дрогнула, вздохнула, и по пещере прошел звук.
Кап.
Но уже другой.
Не умирающий.
Живой.
Кап.
Кап.
Вода пробилась сквозь лед тонкой жилой.
Семь цепей над источником зазвенели. Шесть тихо. Седьмая — глухо, будто ее держала чужая рука.
Я не успела понять, что происходит, потому что силы ушли резко. Колени подломились, ладони соскользнули с камня.
Сайрен поймал меня.
Не грубо. Не как вещь. Быстро, крепко, почти бережно.
Я оказалась прижата к его мундиру, и на миг меня накрыл запах мороза, металла и живого человеческого тепла под всем этим холодом.
— Лиора.
В его голосе снова была тревога.
Настоящая.
Я попыталась отстраниться.
— Не надо.
Он не удерживал, только помог встать.
— Ты едва не упала в источник.
— Источник хотя бы меня не разводил.
Ортен закашлялся так, будто подавился смешком.
Даже один из офицеров опустил голову.
Сайрен посмотрел на меня с выражением человека, который не знает, злиться ему или убедиться,

что я дышу.
 — Ты всегда теперь будешь отвечать именно так?
 — Если вы будете давать повод.
 Веста подошла ближе.
 — Ей нужен осмотр.
 — Нет, — сказала я.
 — Вы истощены.
 — Я устала. Это другое.
 — Вы не можете оценить свое состояние.
 — Зато вы, конечно, можете оценить его так, чтобы меня было удобно запереть.
 Веста посмотрела на Сайрена.
 — Генерал, если вы позволите ей и дальше действовать без контроля, следующий всплеск может ударить по башням. Источник оттаял лишь частично, а седьмая цепь не ответила. Это доказывает нестабильность.
 Сайрен медленно перевел взгляд на черную цепь.
 — Или доказывает, что проблема там.
 Ортен тихо сказал:
 — Седьмая башня.
 Хайр вмешался слишком резко:
 — Башня не имеет отношения к источнику. Ее отключили от внутреннего круга по решению военного совета много лет назад.
 — Отключили? — спросила я.
 Сайрен повернулся к Хайру.
 — Я не помню такого решения.
 Вот оно.
 Не “я не подписывал”.
 Не “этого не было”.
 Я не помню.
 Хайр замер на долю секунды.
 — Генерал, документы в архиве. Это было сделано после зимнего разлома, когда старые женские привязки признали...
 — Кем признали? — спросил Ортен.
 — Советом.
 — Каким составом?
 — Вейш, вы превышаете...
 — Я смотритель договоров. Я как раз наконец вошел в возраст, когда превышать становится приятно.
 Сайрен поднял

руку, останавливая спор.
Он смотрел на воду, оттаявшую на ширину моей ладони.
Маленькое живое пятно посреди серого льда.
— Источник будет охраняться, — сказал он. — Посторонним доступ закрыть. Все изменения записывать каждый час.
— Госпожу Невант нужно изолировать от источника, — сказала Веста.
Я была готова к этому.
Но Сайрен ответил не сразу.
Он смотрел на меня. Долго.
И мне не понравилось, что я не смогла сразу прочитать его взгляд.
— Нет, — сказал он наконец. — Не изолировать.
Веста поджала губы.
— Но...
— Госпожа Невант останется под наблюдением.
Я усмехнулась.
Вот теперь все на месте.
— Как мягко вы это называете.
— Ты сегодня открыла ворота, вернула ребенку имя и оттаяла источник. После каждого проявления были последствия.
— После ваших решений тоже.
— Именно поэтому я не оставляю тебя без охраны.
— Охрана снова исчезнет?
Его лицо потемнело.
— Нет.
— Вы уверены?
— Теперь — да.
Он сказал это так, что двум офицерам стало заметно не по себе.
— Значит, я пленница?
— Нет.
— Тогда я могу отказаться?
— От наблюдения — нет.
— То есть пленница, но с красивой формулировкой.
Веста тихо сказала:
— Это ради вашей же безопасности.
Я повернулась к ней:
— Если еще кто-нибудь сегодня скажет, что ограничивает меня ради моей безопасности, я начну кусаться.
Ортен пробормо-

мотал:
 — Исторически полезный способ ведения переговоров.
 Сайрен устало посмотрел на него.
 — Ортен.
 — Молчу, генерал. Хотя это лишает вечер последней радости.
 Я снова посмотрела на источник.
 Маленькая вода у кромки дрожала. В ней отражался не потолок пещеры, а что-то другое: узкая башенная лестница, женская рука на перилах, серая дверь с вырезанным знаком возвращения.
 Седьмая башня звала.
 Но теперь я понимала: туда нельзя идти слепо. У Сайрена — власть. У совета — документы. У Весты — мягкая ложь и лекарские печати. У Ортена — знания. А у меня пока только чужое тело, обрывки памяти и теплый узел, который может стоять мне самой себя.
 — Мне нужен доступ к архиву, — сказала я.
 Сайрен нахмурился.
 — К какому?
 — К договорам. К истории Седьмой башни. К решениям совета о женских узлах. Ко всему, что касается моего имени.
 Хайр сразу сказал:
 — Невозможно.
 Я даже не повернулась к нему.
 Сайрен молчал.
 — Вы сами видели источник, — сказала я. — Или вам опять нужны данные от людей, которые уже один раз объяснили вам, что меня можно стереть?
 Он медленно вдохнул.
 — Доступ будет. Через Ортена. Под охраной.
 — Вы боитесь, что я украду крепость?
 — Я боюсь, что крепость украдут у тебя раньше, чем ты поймешь, как ее удерживать.
 Ответ сбил меня с мысли.
 Потому что в нем не было приказа.
 Только жесткая, неприятная правда.
 И,

возможно, первая попытка говорить со мной не как с помехой.
 Веста отвернулась к источнику, но я успела заметить ее лицо.
 Мягкость исчезла.
 На миг осталась только расчетливая злость.
 Потом она снова стала снежной лекаркой — усталой, благородной, переживающей за всех сразу.
 — Тогда я подготовлю заключение о состоянии источника, — сказала она.
 — Подготовите, — ответил Сайрен. — И передадите мне, Ортену и госпоже Невант.
 Веста замерла.
 — Госпоже Невант?
 — Она касается источника. Значит, будет знать, что о нем пишут.
 Очень маленькое, очень позднее, но все же решение.
 Я не поблагодарила.
 Он пока не заслужил благодарности.
 Когда мы вышли из нижнего сердца, лестница показалась длиннее. Сил почти не осталось. Теплый узел под кожей тянул, как после тяжелой работы, которую сделали не мышцы, а что-то глубже. У каждого шага был привкус чужих имен.
 На середине подъема Сайрен шел рядом.
 Не впереди.
 Рядом.
 — Ты отдала источнику часть силы? — спросил он.
 — Не знаю.
 — Что ты чувствовала?
 Я усмехнулась.
 — Опять вопрос правильный. Вы тренируетесь?
 Он не улыбнулся.
 — Лиора.
 Я остановилась на ступени и посмотрела на него.
 — Я чувствовала, что источник устал помнить за всех, пока все делают вид, что памяти не существует.
 Сайрен принял ответ серьезно.
 — И прежняя Лиора?
 В груди неприятно сжалось.
 — Она уже бы-

ла здесь. Отдавала что-то источнику. Ради возвращения людей.
— Моих людей?
— Наших, если верить старому договору.
Слово “наших” повисло между нами не теплом, а вызовом.
Сайрен опустил взгляд.
— Я не знал.
Вот почти извинение.
Но не извинение.
— Незнание удобно, когда последствия несет кто-то другой.
Он поднял глаза.
Я ждала холода.
Получила тишину.
— Да, — сказал он.
Я не нашлась, что ответить.
Сайрен Вольт-Рейн, кажется, был опаснее, когда начинал признавать очевидное.
У входа в верхние коридоры нас встретил отряд стражи. Сайрен отдал короткие распоряжения: сменить людей у моих покоев, проверить исчезновение прежней охраны, опечатать доступ к источнику, вызвать писарей имен. Все четко. Быстро. Без лишних слов.
Потом повернулся ко мне.
— Я провожу тебя до крыла.
— Чтобы убедиться, что я дойду?
— Чтобы убедиться, что никто не исчезнет по дороге.
Разумно.
И все равно неприятно.
Мы шли молча почти до самого восточного крыла. У дверей моих покоев уже стояли двое новых стражников — не те, что утром. Один совсем молодой, второй старше, с шрамом у подбородка. Оба поклонились мне не так, как раньше.
Не как пустому месту.
Осторожно.
Будто еще не решили, чего во мне больше — угрозы или спасения.
Сайрен заметил.
— Госпожа Невант не покидает крыло без сопровождения, — сказал он.
Вот и снова.
— Я же говорила: плен-

ница с красивой формулировкой.
 — Завтра ты получишь доступ к архиву.
 — Под охраной.
 — Да.
 — К договору?
 — Да.
 — К отчету Весты?
 — Да.
 Я посмотрела ему в лицо.
 — И к Седьмой башне?
 Его взгляд стал жестче.
 — Нет.
 — Почему?
 — Потому что я не знаю, что там.
 — Именно поэтому мне нужно туда.
 — Именно поэтому пока нет.
 Слово “пока” я слышала.
 И он понял, что я слышала.
 — Отдыхай, Лиора.
 — Не приказывайте мне спать, генерал. Это слишком семейно для мужчины, который утром снимал меня с ворот.
 Его лицо на миг стало почти живым.
 Боль? Раздражение? Усталость?
 — Доброй ночи, — сказал он.
 И ушел, не дожидаясь ответа.
 Я вошла в комнату.
 На этот раз ледяное пламя в камине горело. Низко, но горело. На столе стояла чашка с горячим напитком. Я не стала его трогать. После Весты я теперь не доверяла даже воде, если не видела, кто ее наливал.
 Я сняла накидку, достала записку прежней Лиоры и положила на стол рядом с лампой.
 Слова не изменились.
 “Не дай им снять твое имя с седьмой башни”.
 Я коснулась бумаги.
 Серебряные волокна вспыхнули так слабо, что я почти решила — показалось. Потом между строк проступила новая черта.
 Не карта.
 Не фраза.
 Знак.
 Ладонь поверх волны.
 Источник.
 А под ним — тонкая линия к символу распахнутой двери.
 Возвращение.
 Седьмая башня.
 Я

наклонилась ближе.
 На самом краю бумаги появилась новая запись. Не чернилами. Теплом.
 “Источник отзовется только на ширину ладони. Дальше его держит чужая печать”.
 Я похолодела.
 Значит, сегодняшнее оттаивание было не победой.
 Только доказательством.
 За дверью стражники тихо переговаривались. Где-то далеко в крепости звякнула цепь. Синий огонь в камине качнулся, и на стене проступила тень решетки — той самой, что закрывала путь в старое архивное крыло.
 А потом брачная пластина на моем пальце нагрелась так сильно, что я стиснула зубы.
 На серебре выступили три крошечные буквы.
 Не имя.
 Не приказ.
 Предупреждение.
 “Ронн”.
 Род Роннель.
 Я смотрела на эти буквы, пока они не исчезли.
 Теперь я точно знала: источник замерз не сам.
 И женщина в белом меху не просто стояла рядом с моим мужем у очага.
 Она уже держала руку на сердце крепости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.